

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

СТАЛИНГРАДСКАЯ
БОГОРОДИЦА

Русская история

Валерий Шамбаров

Сталинградская Богородица

«Алисторус»

2014

Шамбаров В. Е.

Сталинградская Богородица / В. Е. Шамбаров — «Алисторус»,
2014 — (Русская история)

В июне 41 – го началось самое страшное за всю историю нашествие врагов на Русскую землю. Против России под стягом Третьего рейха поднялась вся Европа: не только германские и итальянские фашисты, но и французы, испанцы, венгры, чехи, румыны, финны и многие другие. Вражья орда докатилась до Сталинграда. И здесь, на берегах великой русской реки Волги было явление всем двенадцати народам, уже возомнившим себя победителями в великой битве с Россией: высоко в небе, над Волгой, над хаосом исковерканной земли и сталинградских руин, стояла сама Пресвятая Богородица со Спасителем на руках. Такой иконы не писал никто. Но ее видело множество людей. Это чудо стало предвестником разгрома оккультного Черного рейха. О самой кровопролитной в истории войне, о том как ковалась победа Света и Руси над Тьмой и Западом – новая книга известного русского историка Валерия Шамбарова.

© Шамбаров В. Е., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Вместо пролога	5
1. Нашествие	6
2. Июнь сорок первого...	12
3. О корнях нацизма	19
4. Где начиналась война?	26
5. Смоленское сражение	30
6. «Новый порядок»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Сталинградская Богородица

Вместо пролога

Багрово и сумрачно коптило пламя пожарищ. Мертвые остовы зданий пялились на мир пустыми глазницами окон, раззявились черными пастями выщербленных воронок. Из осыпей битого кирпича прорастали и тянулись куда-то во тьму причудливые щупальца скрюченной арматуры. Колючий ветер безжалостно хлестал зарядами дождя и снежной крупы, перемешивал с едким дымом растрепанные клочья низких туч. А по студеной и гиблой волжской воде шевелилось течением и закручивалось омутами ледяное сало. Отблески пламени зловеще отсвечивали на лужах, превращая их в расплескавшуюся кровь. Отражались на замерзающей береговой кромке, будто и лед уже начинал тлеть углями пожара.

Но над картинами крошечного ада разливалось другое сияние – чистое, неземное. Высоко в небе, над Волгой, над хаосом исковерканной земли и сталинградских руин, стояла Она. Сама Пресвятая Богородица со Спасителем на руках. Такой иконы не писал никто. Но ее видело множество людей. Они вдруг оказались как раз на грани – с одной стороны, преисподней, отчаяния и ужаса, с другой – небесного простора и благодати. Об этом вспоминали солдаты, офицеры, местные жители. Ряд свидетельств записали сотрудницы музея-панорамы «Сталинградская битва» и Музея обороны Сталинграда. Уполномоченный Совета по делам церкви Украинской ССР Ходченко дисциплинированно доложил в московские органы госбезопасности, что целый полк из состава 62-й армии стал свидетелями знамения и распространял рассказы об этом.

А бойцы передавали друг другу: «Мы все такое видели – Божья Мать была в небе! В рост и с младенцем Христом! Теперь точно порядок будет!», «Как увидел в небе Божью Мать, душа была в возвышенном состоянии. Мне сразу стало ясно, что не погибну и живым вернусь домой. Уверенность в победе больше не покидала. Видение Божьей Матери в рост в осеннем небе Сталинграда как щит пронес сквозь всю свою жизнь на фронте» [31].

Но это был уже переломный момент Великой Отечественной. А поначалу-то были горечь, бедствия, позор. Поначалу был сорок первый...

1. Нашествие

Весной 1941 г. империя Гитлера достигла вершины своего размаха. Западные великие державы, Англия и Франция, близоруко понадеялись, что фюрер нацелит свои армии на русских, позволили ему без выстрелов проглотить Австрию, Чехословакию. Но в первую очередь досталось им самим. Немцы смяли их союзницу Польшу, вдребезги разнесли французов и англичан. Попутно, между делом, оприходовали Данию, Норвегию, Люксембург, Нидерланды, Бельгию. Прокатились по Балканам. Раздавили Югославию, Грецию, парашютные десанты высыпались на Крит. У Германии нашлось и немало союзников. Разве не полезно было дружить с потрясателями вселенной?

Основой коалиции стал Тройственный пакт с Японией и Италией. С огромным воодушевлением к ним примкнули Венгрия и Болгария. Они и в Первой мировой войне воевали на стороне немцев, сейчас возбудились расквитаться за прошлые поражения и унижения. Присоединилась Финляндия, она давненько косилась на российские земли. На грядущие завоевания раскатала губы Румыния. Гитлер чувствовал себя в Европе полным хозяином. Некоторые страны непосредственно включил в состав Третьего рейха – Австрию, Чехию. Присоединил ряд областей, которые принадлежали Германии до поражения в Первой мировой – западную часть Польши, французские Эльзас с Лотарингией. Словакию и Хорватию вычленил в отдельные марионеточные государства. Превратил в свою марионетку и Францию. Оставил правительству Петэна – Лавалю около трети территории со столицей в городке Виши, позволил распоряжаться там, сохранить колонии, армию и флот. Прочие земли управлялись оккупантами.

Независимые государства выделялись теперь на карте Европы отдельными исключениями – Испания, Португалия, Швеция и Швейцария. Уцелела и Англия. Отсиделась на островах, под бомбежками. Операцию «Морской лев» по форсированию Ла-Манша Гитлер счел слишком опасной. Но фюрер полагал, что она и не понадобится. В Первую мировую войну германский Генштаб разыгрывал план Шлиффена – Мольтке: сперва сокрушить Францию, а потом перебросить все силы против русских. Тогдашний план основывался на скрупулезных расчетах сроков мобилизации, пропускной способности железных дорог и др. В реальности эти расчеты поехали наперекосяк, и замыслы сорвались.

Гитлер намечал аналогичный план. Но строил его не на сомнительных вычислениях генштабистов, а на более надежных средствах, дипломатической лжи. Еще в 1933 г. он говорил приближенным: «Что до меня, то я, очевидно, не стану уклоняться от союза с Россией. Этот союз – главный козырь, который я приберегу до конца игры. Возможно, это будет самая решающая игра в моей жизни. Но нельзя начинать ее преждевременно и ни в коем случае нельзя позволять всяким писакам болтать на эту тему. Однако если я достигну своих целей на Западе – я круто изменю свой курс и нападку на Россию. Что за святая простота – полагать, что мы будем двигаться все прямо и прямо, никуда не сворачивая!» [111].

22 августа 1939 г., договорившись с СССР о заключении пакта Молотова – Риббентропа и намереваясь напасть на Польшу, Гитлер на совещании высшего командования подтвердил тот же план. Указал, что предстоит «сначала выступить против Запада, а потом уже против Востока. Нам нет нужды бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем...», «С осени 1933 года... я решил идти вместе со Сталиным... Несчастных червей – Даладе и Чемберлена – я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас... В общем, господа, с Россией случится то, что я сделаю с Польшей... Мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства».

Англичан Гитлер считал родственным арийским народом. Был уверен, что с ними можно договориться. Он предлагал самые мягкие условия: британцам оставляют их колониальную империю, господство на морях. Но они, в свою очередь, должны признать господство нем-

цев на континенте. Хотя Черчилль был отнюдь не глупым политиком и прекрасно понимал: при подобном раскладе Англии придется признать главенство Германии или ее задушат. Владея побережьем Франции, Бельгии и Голландии, немцы могут понастроить баз, сосредоточить побольше подводных лодок, блокировать острова и диктовать Лондону любые условия. Поэтому мирные инициативы Гитлера Черчилль отверг. Заявлял о готовности сражаться до последнего. Даже если падет Англия, останутся ее доминионы, колонии и продолжат войну.

Но фюрер строил прогнозы, что в Лондоне основные надежды связывают с Россией. Когда она падет, англичане согласятся мириться. 31 июля 1940 г., почти сразу после капитуляции французов, Гитлер поставил Генштабу задачу разработать план нападения на СССР с целью «уничтожения жизненной силы России». 9 августа 1940 г. начальник оперативного управления ОКБ (Верховного командования вермахта) Варлимонт выпустил первую директиву по подготовке удара против СССР. 26 августа начались переброски на Восток дивизий из Франции. В ноябре генерал Паулюс завершил разработку плана вторжения в Россию, Геринг утвердил план развертывания ВВС для предстоящей войны. А 18 декабря 1940 г. фюрер подписал директиву № 21, или «план Отто». Впоследствии для него придумали более громкое название. План «Барбаросса» [158].

В Москву о предстоящем нападении докладывали некоторые разведчики: Зорге, Ольга Чехова, группа Шульце – Бойзена и др. [25, 64]. К Сталину поступали предупреждения и от иностранных дипломатов, от Черчилля, Рузвельта. В общем-то, информации о подготовке вторжения было сколько угодно, слухи об этом носились по Европе и Америке, публиковались в прессе. Они дополнялись донесениями о появлении вблизи границ новых германских соединений.

Впрочем, современными исследователями установлено, что советскому руководству шли и доклады совершенно иного рода. От сетей агентуры, разбросанной по всему миру, в Москву стекалась мешанина самой противоречивой информации. А аналитический аппарат разведки работал в это время очень слабо. Не мог выделить главное, отсеять правду от домыслов. Британской информации Сталин имел весомые основания не доверять. Ведь та же Англия изначально нацеливалась использовать Гитлера против русских. Да и Америка немало потрудились в данном направлении. Их предупреждения Иосиф Виссарионович оценивал однозначно как попытки столкнуть немцев с Советским Союзом. Но они и были такими попытками! Разве начало войны между Россией и Германией не соответствовало британским интересам? Именно из-за этого в Москве воспринимали с недоверием донесения агентуры о надвигающейся угрозе. Подозревали, что это плоды провокационной кампании, развернутой англичанами [12].

Для оценки решений Сталина накануне войны необходимо учитывать еще один фактор. В конце 1930-х ему многое стало известно об истинной подоплеке прошлой войны, Первой мировой. Советская разведка сумела похитить часть архива Троцкого. На судебных процессах над заговорщиками и врагами народа некоторые из видных троцкистов купили себе жизни исчерпывающими показаниями – Радек, Раковский, Сокольников. А знали они очень много, все трое были связаны с мировыми транснациональными корпорациями, обслуживали «святая святых», финансирование революции. Знали, как вовлекли Российскую империю в мировую войну, как ее подставляли и расшатывали собственные союзники, как обрушили ударом в спину [119, 155].

Чтобы избежать повторения прошлых бедствий, Сталин пытался поступать противоположно Николаю II! Франция и Англия проявляли себя еще более коварными партнерами, чем в 1914 г. Иосиф Виссарионович, в отличие от царя, не стал цепляться за альянс с ними. Удостоверившись, что они юлят и обманывают, переориентировался на Германию. Результаты вроде бы оказались блестящими. Без значительных усилий удалось присоединить Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию, Литву, Латвию, Эстонию. Огромные территории с населе-

нием 23 млн человек! Упорство проявила только Финляндия, отказалась выполнять русские требования. Война с финнами оказалась нелегкой, но советский альянс с немцами оставил их в изоляции, а в одиночку они не выстояли. Граница отодвинулась на 180 км от Ленинграда, на севере к СССР отошли полуострова Рыбачий и Средний, на Балтике был отдан в аренду полуостров Ханко.

Сталин был в курсе, что в германском руководстве существовало сильное прозападное крыло, подзуживало Гитлера изменить политику. Вместо того, чтобы атаковать Францию и Англию, заключить с ними союз против СССР. Причем разведка подтверждала, что тайные контакты англичан и нацистов не прекратились [9]. Это лишний раз убеждало Иосифа Виссарионовича в правоте собственных выводов о неискренности западных держав. Он полагал, что ведется борьба за выбор Гитлера. Силился переиграть противников. Если не избежать войны, то хотя бы отсрочить ее. Отсрочить до 1942 г. К этому времени предполагалось завершить перевооружение армии новой техникой. Да и переход на всеобщую воинскую обязанность осуществился в Советском Союзе слишком недавно, в сентябре 1939 г. Страна еще не успела накопить обученных резервистов.

Но на заблуждения Сталина наложились и широкая кампания дезинформации, организованная Гитлером. Она была тщательно продуманной, и к тому же «многослойной». Советскому Союзу объясняли, будто концентрация войск на востоке – это грандиозный отвлекающий маневр перед вторжением в Англию. Предъявляли даже доказательства: например, штабы танковых корпусов и групп перебрасывались к советским границам без танков. Конечно, перебрасывали только для видимости! Хотя штабы без танков полным ходом вели разведку, рекогносцировку, прорабатывали грядущее наступление.

А во «втором слое», по секрету, немецким командирам разъясняли, что их перебрасывают на Восток для обороны от готовящегося нападения русских. Сообщения о «советских военных приготовлениях» появлялись и в германской печати. Делалось это очень хитро. Как вспоминает дипломат В. Бережков, сперва такие публикации появлялись в американских газетах (они инспирировались агентурой СД), а немцы их перепечатывали со ссылкой на американские [12]! Сталин считал вполне вероятным, что Гитлера вводят в заблуждение. Что «дезу» запускают те же англичане с американцами.

Советское руководство прилагало все усилия, дабы развеять это заблуждение, шло на уступки по любому спорному вопросу. 22 марта 1941 г. последовало секретное распоряжение Гитлера приостановить выполнение советских заказов на заводах Германии. Но Москва удовлетворилась отговорками, что задержки вызваны трудностями военного времени, и ответные грузы немцам отправляла даже с опережением графика. По поводу участка советско-германской границы от р. Игorkи до Балтийского моря долгое время шли споры – но 12 апреля СССР безоговорочно принял немецкий вариант. А правительство Югославии при угрозе со стороны немцев лихорадочно искало, за кого бы зацепиться. Предложило Советскому Союзу заключить договор о дружбе. Но это уж было слишком похоже на ситуацию 1914 г. и на провокацию – договор подписали буквально накануне вторжения. Иосиф Виссарионович опять действовал противоположно Николаю II. Заступаться за Югославию не стал, безоговорочно уступил ее Германии [148].

Советская дипломатия прорабатывала вопрос о личной встрече Сталина и Гитлера. Считали, что это позволит развеять недоразумения. Но 10 мая 1941 г. весь мир всколыхнуло загадочное событие. Перелетел в Англию Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии. А ведь он был одним из самых верных, подчеркнuto верных соратников фюрера... Завесу тайны приоткрыл в своих записках шеф американской разведки Аллен Даллес: провокацию организовали английские спецслужбы [37].

В верхушке нацистской Германии важное место занимали оккультисты. Сам Гитлер был убежденным приверженцем темных магических учений, это увлечение сближало с ним и Гесса,

видного иерарха оккультного общества «Туле». Под его эгидой в партийной канцелярии окопалась целая плеяда магов и прорицателей во главе с профессором Карлом Хаусхофером, учителем Гесса. Они выступали консультантами партии во всех делах, но сохраняли и связи с зарубежными масонами, розенкрейцерами и прочими родственными структурами. В частности, Хаусхофер состоял в дружеской переписке с лордом Гамильтоном, одним из столпов шотландского масонства. В 1936 г., во время берлинской Олимпиады, с Гамильтоном близко сошелся Гесс.

А в 1941 г. Черчилль крайне встревожился наступлением немцев на Грецию, Крит, Египет. Опасался, а вдруг Гитлер отложит планы войны с СССР, бросит все силы против Англии? При подобном раскладе поражение было неминуемым. Было решено дополнительно подтолкнуть немцев на русских. Через Гамильтона и придворных оккультистов британская разведка стала опутывать Гесса. Ему внушили, если Германия объявит войну Советскому Союзу, то Англия готова немедленно подписать договор о мире. Было сфабриковано приглашение для переговоров за подписью Черчилля, переслано в Германию.

Астрологи и маги подтверждали, настал благоприятный момент для какого-то важного поворота, а Гессу суждена важная историческая миссия. Он уговорил Гитлера – британским жестам доброй воли можно верить. Да и в любом случае договориться с Англией было нелишне – наступая на Россию, быть спокойными за свои тылы. Миссия была строго секретной. Участие в ней Гитлера вообще скрыли, представили как личную инициативу Гесса. Раньше он был пилотом, вылетел на истребителе. В шотландском имении Гамильтона была специально оборудована посадочная полоса, принять единственный самолет. Но Гесс не сумел ее обнаружить. Покружился, израсходовал горючее, выпрыгнул с парашютом и был задержан патрулями местной самообороны.

Через некоторое время к нему прислали чиновника Министерства иностранных дел, и гость изложил привезенные условия мира: Англия должна выступить на стороне Гитлера в войне с СССР, вернуть Германии ее бывшие колонии. За это немцы прекращают боевые действия против британцев, сохраняют в неприкосновенности их колониальную империю. Гесса выслушали. Заверили, что Англия не отказывается от обещания подписать мир – как только начнется война с русскими, сразу выполнит. Но записи беседы с Гессом подредактировали и... переправили в Москву.

Между тем о сенсационном перелете раструбили британские газеты и радио. Гитлер понял – если тайна не соблюдается, значит, немцев надули. Он отрекся от миссии, велел министру пропаганды Геббельсу публично объявить, будто Гесс повредился в уме. Однако и расчеты Черчилля не оправдались. Подразумевалось – Сталин убедится, что немцы его враги. Начнет наводить мосты с Англией, примется готовить свою армию. Но именно эти факты можно подsunуть в обратном направлении, Гитлеру! На самом же деле советские спецслужбы имели в Англии великолепную агентуру, в том числе в британской разведке! От Черчилля Сталин получил протоколы предложений Гесса, но попутно получил и донесения, что перелет и переговоры состоялись по приглашениям самих англичан. Таким образом, провокация послужила лишним доказательством двурушничества Лондона, усилила недоверие Сталина к информации, поступающей из-за рубежа!..

Но предложения о личной встрече с Гитлером немцы спускали на тормозах. А наращивание сил возле советских границ становилось все более очевидным. К штабам танковых соединений начали прибывать танки. На это уже нельзя было не реагировать. Советские войска располагались несколькими эшелонами, в приграничных районах их было явно недостаточно. В конце мая из внутренних областей началось выдвижение 28 дивизий, четырех армейских управлений. Задачи им ставились сугубо оборонительные, а сами перевозки намечалось вести постепенно – чтобы не нагнетать атмосферу, не вызвать дипломатических обострений.

В результате эти соединения не успели даже разместиться на новых местах. Многие части не успели и сдвинуться с прежних баз. Готовились к переездам, собирали имущество.

14 июня нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков представили Сталину крайне тревожный доклад. Напрашивался вывод – надо немедленно приводить войска в боевую готовность, иначе можно опоздать. Сталин ответил: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас все войска... Вы понимаете, что это означает войну?» Он сослался на печальный опыт царской России, на Первую мировую [44, 120]. Николай II попытался предотвратить войну демонстрацией силы, объявил мобилизацию. А Германия придралась к факту мобилизации и открыла боевые действия.

Сталин опять не последовал примеру царя. С мобилизацией решил обождать. Вместо нее изобрели, как представлялось, тонкий дипломатический и психологический ход. Последовало заявление ТАСС: «В иностранной прессе муссируются слухи о близости войны между СССР и Германией. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым заявить, что эти слухи являются неуклюжей пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны». Советский Союз демонстрировал свою верность договорам, хотел вызвать ответные заявления со стороны Германии. На столь откровенный жест немцы должны будут хоть как-нибудь отреагировать! Тут-то и приоткроются настроения... Нет, они не отреагировали. Никак. Промолчали.

А молчание само по себе служило угрожающим признаком. Становилось очевидным – воевать придется. Впрочем, мобилизация еще не объявлялась. Но дивизиям, выдвигаемым к границе, поступили команды – ускорить перебазирование. 19 июня последовали распоряжения наркома обороны – с 21 июня вывести управления округов на полевые командные пункты, замаскировать аэродромы и другие важные объекты, рассредоточить авиацию, перекрасить машины и танки в защитный цвет [130]. Увы, выполнить почти ничего не успели. И уж тем более поздно, 22 июня в 0 часов 30 минут в западные округа полетела директива: «В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев...» Хотя даже в этой директиве подчеркивалось: «Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия».

В Кремле и в военном руководстве надеялись, что войны еще удастся избежать. Правда, наши разведчики сообщали о сроках нападения, но таких сроков называлось уже несколько! Докладывали, что война начнется в апреле. Потом – 15 мая. Потом в конце мая. Сохранялась вероятность, что срок 22 июня тоже не подтвердится. А кроме того, самые ценные агенты в Берлине, группа Харнака и Шульце – Бойзена, имевшая доступ к самой секретной информации, докладывала, что *войне будет предшествовать ультиматум*. Гитлер потребует от России выступить против Англии [25]. Сталин ждал сперва ультиматума. Так или иначе, это открывало возможности для переговоров... Хотя никаких вариантов с предъявлением ультиматума в верхушке рейха даже не рассматривались. Очевидно, разведчики передали непроверенные слухи или еще одну дезинформацию, запущенную нацистами. Гитлеру вообще не требовались предлоги для войны. Вторжение давно было предрешено и началось без всяких предлогов. Без объявления войны.

В послевоенные годы по различным политическим причинам сформировалась картина некоего единоборства СССР и Германии. Точнее, даже не единоборства – ведь против Германии действовала целая коалиция. Прочие народы Европы было принято изображать жертвами немцев, чуть ли не сплошь антифашистами. Однако реальное соотношение сил было абсолютно иным! Гитлер сплотил под своей властью и повел на Россию почти всю Европу! Вместе с его войсками на нашу страну двинулись две румынских, две финских, венгерская, итальянская армии. У Словакии и Хорватии возможности были пожизне, но и они отправили на фронт по две-три дивизии. Из союзников Гитлера только болгарское правительство учло чрезвычайные симпатии своего народа к русским. Войну нам не объявляло, войск не посылало. Зато болгар-

ский царь Борис III выделил свою армию для оккупации Югославии. А это высвобождало германские части для России.

Впрочем, даже если мы рассматриваем германские части – в немецкой форме и под немецким командованием, следует сделать немаловажную поправочку. Они состояли далеко не из одних немцев! Как уже отмечалось, ряд стран и областей были непосредственно включены в состав рейха. Здешние жители или их предки до 1919 г. являлись подданными Германии или Австро-Венгрии. Теперь они получали право заполнить соответствующие анкеты и вернуть себе германское гражданство. Но вместе с правами приобретали и обязанности, их призывали в армию.

В рядах вермахта и СС служили австрийцы. Служило и 500 тыс. поляков (в основном, из областей, ранее принадлежавших Германии – Познани, Поморья, Силезии). Проявили себя отлично. Нет ни одного упоминания об их ненадежности, переходах на сторону противника. В германскую армию призывали и чехов. Хотя чешское правительство оказалось менее откровенным, чем польское. Цифры своих солдат под знаменами со свастикой замалчивает. Но известно, что после войны в советском плену насчитали 70 тыс. чехов. Это не считая погибших или попавших в плен к западным союзникам. Призывались под ружье французские уроженцы Эльзаса и Лотарингии. Они тоже служили хорошо. Ну а как же! После разгрома они вдруг оказались в привилегированном положении, им предоставили возможность числить себя германскими гражданами. Ради этого можно было постараться!

Но хозяева Европы предоставили возможность выслужиться и другим французам, объявили набор добровольцев. Желавших нашлось сколько угодно! Из них создали легион (полк), направленный на восточный фронт. Позже началось формирование французской дивизии СС «Шарлемань». Аналогичным образом в германских войсках служило 15 тыс. норвежцев, 22 тыс. голландцев, 13 тыс. бельгийцев, 7,5 тыс. датчан, 3 тыс. граждан Люксембурга и Лихтенштейна. Три дивизии вермахта было укомплектовано добровольцами из хорватов (это не считая армии марионеточного Хорватского государства).

Испания считалась нейтральной, но Франко послал Гитлеру добровольческую Голубую дивизию, 19 тыс. солдат (всего за время войны в германской армии служило 50 тыс. испанцев). Нейтральной заявляла себя и Швейцария, но в составе вермахта и СС служило 1300 ее граждан. Нейтральная Швеция разрешила транзит немецких войск через свою территорию, с международными нормами нейтралитета это никак не согласуется. Вдобавок Швеция поставляла железную руду, на ней работала вся германская промышленность. Из шведских добровольцев было сформировано несколько полков, включенных в финскую армию.

Но и те европейские обыватели, кому не довелось надеть военные мундиры, помогали Гитлеру устанавливать «новый порядок». Промышленные гиганты Чехии, Франции, Бельгии, Австрии выплескивали с конвейеров потоки первоклассного оружия, машин, снарядов. Здешние инженеры, техники, рабочие были прекрасными специалистами, выполняли свою работу четко и качественно. Саботажа и диверсий не отмечено. Ни единого факта! Благодаря этому немцы получили возможность воевать в исключительных условиях! В фантастическом изобилии техники и боеприпасов. Ничего не надо беречь, не надо экономить. Выпускай очередями магазин в белый свет и вставляй другой! Засыпай неприятеля бомбами и снарядами – подвезут сколько угодно. Поломался или подбит танк, самолет – чепуха. Лишь бы уцелел экипаж, а из тыла уже везут новую технику. На Россию обрушилось не немецкое, а общеевропейское нашествие.

2. Июнь сорок первого...

Дата 22 июня 1941 г. запечатлелась в памяти нескольких поколений не в качестве какого-то отдельного дня. Она врезалась, как удар, переломивший жизнь на «до» и «после». Отбросивший в невозвратное и, кажется, уже нереальное прошлое все, что было раньше, – радости, печали, хлопоты. Перекинувший людей в совершенно иное измерение. С иными заботами, системами ценностей. Вся западная граница Советского Союза вдруг вскипела разрывами, взревела лавинами танков и машин. Солнечный свет затмил дым пожарищ, по небесной синеве с гудением ползли черные стаи бомбардировщиков...

Вооруженные силы Германии и ее сателлитов достигали 8 млн солдат и офицеров. Но это все вместе: и армии, и военно-морские силы, и жандармерия, и тыловые части. А на Восточном фронте немцы сосредоточили 120 дивизий – 4 млн бойцов, 4215 танков, 3909 самолетов, 43 тыс. орудий и минометов. К этому добавлялись 40 дивизий союзников – 850 тыс. человек, 402 танка, 964 самолета.

Вооруженные силы СССР насчитывали 5 млн. человек, 17 тыс. самолетов, 10 тыс. танков, 67 тыс. стволов артиллерии. Это, опять же, общие цифры. Из них в западных округах было сосредоточено 2,7 млн бойцов, 1800 средних и тяжелых танков – плюс 3–4 тыс. легких танков, танкеток и броневилов устарелых конструкций. В приграничных округах имелось до 40 тыс. орудий и минометов, 1540 новых самолетов и до 5 тыс. – старых образцов.

Германия не имела подавляющего численного преимущества, да и технического. Новейшие советские танки Т-34 и КВ-1 превосходили лучшие из немецких машин «Панцер-4» (русские называли их Т-IV). В дивизиях вермахта хватало и устаревших конструкций «Панцер-2» и «Панцер-3» (с орудиями 20 и 37 мм). Использовались также чешские танки, даже трофейные, английские и французские. Новейшие советские истребители уступали в скорости германским мессершмитам, но в общем-то могли успешно бороться с ними. Хотя большую часть старых танков немцы накануне войны успели модернизировать, наращивали броню, устанавливали пушки помощнее.

Ну а кроме того, сравнивать силу армий только по показателям бронетанковой, авиационной техники, количеству стволов артиллерии является весьма некорректным. Некоторые виды снаряжения имеют на войне ничуть не меньшее значение. Например, очень слабым местом Красной армии был автотранспорт [17, 160]. Танки-то выпускали в первую очередь, а обычными грузовиками войска не обеспечили, оставляли на потом. Считалось, что в армию по мобилизации будет направлен транспорт гражданских организаций. Но своевременной мобилизации объявлено не было! А потом заводские, фабричные, колхозные машины пришлось задействовать под эвакуацию. Войска лишились возможности быстро перебрасывать подкрепления, подвозить снаряды, горючее.

Другой бедой стали средства связи. Это была стратегический просчет советского командования. По опыту Первой мировой опасность перехвата и расшифровки радиogramм преувеличивалась, а возможности радио недооценивались. В 1941 г. действовали инструкции, запрещавшие пользоваться радиосвязью в боевой обстановке [105, 140]! Даже в корпусах и дивизиях не имелось радиостанций достаточной мощности. Радистов и шифровальщиков не хватало, они были неопытными. Не хватало даже простых полевых телефонов и проводов. Не было собственных линий связи у командных пунктов фронтов и армий. В случае войны предполагалось задействовать линии наркомата связи, то есть обычную телефонную сеть. Но эта связь сразу же была выведена из строя германской авиацией и диверсантами. Оставалось узнавать обстановку и отдавать приказы через посыльных, а это вело к задержкам, ошибкам.

Не были радиофицированы самолеты, даже новейшие, что затрудняло взаимодействие между ними, получение целеуказаний. На новых танках уже ставили рации, но только на

командирских. Таким образом, командирский танк четко обозначался антенной, а передать распоряжения подчиненным не мог. В бою нередко применяли метод «делай, как я» – командир шел в атаку первым, а подчиненные повторяли его маневры [84, 103]. Худо было и с минно-саперным делом. Применению мин не придавали большого значения – поскольку врага предполагалось громить «ворошиловскими» контрударами. Спихнулись во время финской войны, понеся огромные потери на минных полях. Но сделать успели мало. На всю Красную армию имелось лишь несколько десятков миноискателей! Запас противотанковых и противопехотных мин был ничтожным. Даже среди саперов обученных взрывников было крайне мало [27].

Не хватало зенитной артиллерии. А в противотанковой обороне важнейшая роль, непосредственного прикрытия пехоты, возлагалась на «сорокапятки» – пушечки калибра 45 мм. Вроде бы, удобные, легкие, они прекрасно проявили себя на Халхин-Голе против японских машин. Но против германских, модернизированных, они оказывались неэффективными. Поражали танки только с близкого расстояния, или требовалось изощряться, снайперски стрелять по гусеницам, по смотровым щелям. Ко всему прочему, удар застал Красную армию в стадии реорганизации и перевооружения. Старая техника выработала ресурс, была снята с производства. А новую не успели освоить. Пилоты только-только переучивались летать на новых самолетах, танкисты – водить новые танки, поражать цели. Начали воевать кто во что горазд. Кто-то на старых раздолбанных машинах, постоянно ломавшихся. Кто-то на великолепных, не умея использовать их возможности.

Реорганизовывалась и вся система пограничной обороны. В 1930-е гг. генеральные штабы различных государств основывались на опыте Первой мировой войны. Считалось, что грядущая война тоже будет позиционной, поэтому все старались прикрыть свои границы укреплениями наподобие французской линии Мажино, германской линии Зигфрида, финской линии Маннергейма. Советский Союз в течение многих лет наращивал оборону по западным рубежам, иностранцы называли ее «линией Сталина». Она представляла собой цепь из 150 укрепрайонов – тысячи дотов, капониров, блиндажей. Но в пакте Молотова – Риббентропа, позволившем нашей стране воссоединиться с Западной Белоруссией, Западной Украиной, Бессарабией, был скрыт подвох. Граница-то сдвинулась, и все инженерные сооружения очутились в глубоком тылу. Их принялись демонтировать, сняли вооружение. На новых границах наметили строить так называемую «линию Молотова», но ее еще не было, работы только начались.

Стадия перемен сказалась и в подготовке личного состава. Всеобщую воинскую обязанность ввели в сентябре 1939 г. До того существовало некоторое количество кадровых дивизий, а основная часть – территориальные. Для службы в кадровых отбирали лишь часть призывников, а большинство попадало только на краткосрочные сборы. В случае войны территориальные дивизии разворачивались за счет ополченцев, и боеспособность их была невысока. Теперь недостаток пытались исправить. Но со времени перехода на всеобщую воинскую обязанность миновал лишь год и 9 месяцев. Те, кто попал под первый призыв, завершали второй год службы. Те, кого призвали в 1940 г., были на первом году, а 800 тыс. солдат были зелеными новобранцами, их призвали в июне 1941 г. (кстати, перед Первой мировой войной генеральные штабы России, Франции, Германии при подсчете сил вообще не учитывали солдат первого года службы: считали, что они еще не стали настоящими бойцами).

Гитлер учитывал все эти факторы. Откладывать нападение ему было совсем не с руки – русские перевооружают войска новой техникой, понастроят укреплений на новой границе, из отслуживших солдат будет накапливаться запас подготовленных резервистов. У Третьего рейха армия была отмобилизованной, и по качеству она значительно превосходила советскую. Во Франции было впервые опробовано такое объединение, как танковая группа: свели вместе два танковых корпуса и один моторизованный. Результаты оказались блестящими, и для вторжения в Россию создали уже не одну, а четыре танковых группы. Бронированные силы подкреп-

лялись мотопехотой (в танковых и моторизованных дивизиях было по 1,5–2 тыс. автомашин, по 1–1,5 тыс. мотоциклов). Каждая наступающая группировка имела сильную артиллерию, в том числе крупных калибров, дивизионы 105-мм пушек, 150-мм гаубиц. В ее состав включались саперные батальоны, способные и навести переправы через реки, и выставить минные заграждения. Включались зенитные дивизионы – они могли прикрыть район расположения на месте, вести огонь на ходу. Причем 88-мм зенитные пушки оказывались весьма эффективными в качестве противотанковых заслонов.

Надо сказать, что в СССР раньше, чем в Германии, додумались группировать танки в крупные кулаки, существовали танковые корпуса. Но потом вдруг попали под влияние французской военной науки, сочли, что эффективнее будут небольшие соединения. Расформировали корпуса по танковым бригадам. Когда немцы продемонстрировали массированное применение танков, советское командование осознало ошибку. Возобновилось создание механизированных корпусов, но к началу войны они только-только успели возродиться, фактически тоже находились на стадии реорганизации...

У Германии далеко не все дивизии были моторизованными. Хватало обычной пехоты, большая часть артиллерии перевозилась на лошадях. Но средства связи были на высоте. Это обеспечивало отличную управляемость войсками, возможность координировать усилия с соседями, вызвать артиллерийскую поддержку или удары авиации. Взаимодействие между различными родами войск было отработано в реальных боевых действиях. А Красная армия, за исключением ветеранов финской и японской кампаний, была необстрелянной. Это очень большое отличие от опытных солдат, хотя бы один раз побывавших в бою и преодолевших неизбежное в таких случаях состояние шока.

По плану «Барбаросса» группа «Север» фон Лееба нацеливалась на Ленинград. Группа «Центр» Браухича – на Москву, группа «Юг» Рундштедта – на Киев и Донбасс. А советское командование при оценке планов неприятеля допустило серьезнейшую ошибку. Полагало, что немцы не рискнут идти на Москву. Ориентировались на опыт 1918 г. – ведь тогда Германия считала главной целью отхватить Украину, богатую продовольственными и сырьевыми ресурсами. Львиная доля советских сил была сосредоточена на юге. Но у гитлеровцев основной являлась группа армий «Центр»! У Лееба и Рундштедта было по одной танковой группе, у Браухича – две.

Советские войска располагались тремя эшелонами – значительная часть оставалась в глубине страны. Выдвигать их начали лишь в конце мая и в июне. Многие соединения едва успели подтянуться к местам новой дислокации. Перевозились вторые эшелоны, отстали склады с боеприпасами, горючим, запчастями. Некоторые части задержались на прежних местах или находились в дороге. К моменту нападения в первом эшелоне в Прибалтике стояла 21 дивизия – на них нацеливались 34 германских. В Белоруссии границу прикрывали 26 дивизий – против них изготовились 36. Украину прикрывали 45 дивизий – а против них развернулись 57. Но и инициатива целиком принадлежала гитлеровцам. Они сами выбирали, где сконцентрировать войска, и на направлениях главных ударов обеспечили себе двадцатикратное превосходство! Чтобы остановить их было заведомо невозможно!

Именно это и случилось. На растерянные, неготовые войска обрушились удары такой силы, каких не то что выдержать, а даже ожидать-то не мог никто. Германская авиация в первую очередь проутюжила советские аэродромы. Причем те самые аэродромы, где базировались новейшие самолеты. Старые, менее опасные, можно было посшибать и позже. В первый же день было выведено из строя 1200 самолетов. Немцы захватили безраздельное господство в воздухе. Принялись систематически и почти безнаказанно обрабатывать штабы, дороги, станции.

Что ж, советские военные тоже были профессионалами. Существовали планы мобилизации, развертывания войск. Теперь эти механизмы были пущены в ход. Прибалтийский военный округ превратился в Северо-Западный фронт, его возглавил генерал-полковник Кузне-

цов. Белорусский округ – в Западный, им командовал генерал армии Павлов. Киевский округ стал Юго-Западным фронтом (командовал генерал-полковник Кирпонос). Одесский округ преобразовался в Южный фронт во главе с генералом армии Тюленевым. Правительство тоже переключалось на военные рельсы. Руководство всей экономикой и фронтом объединялось в Совете труда и обороны. Создавалась Ставка Верховного главнокомандования. Оба этих органа возглавил Сталин.

Но вражеский напор терзал боевые порядки, даже не позволяя им сорганизоваться. Планы сразу же оказались скомканы, началась неразбериха. Командующие фронтами и армиями плохо представляли, что происходит вокруг них. Передавали наверх ошибочные сведения. Или бодро сглаживали информацию, как испокон веков принято у всех военных – дескать, ситуация под контролем. Соответственно, и в Москве не осознавали реальную картину. Вроде бы на некоторых направлениях враг вклинился на нашу территорию, но на других участках войска успешно держались. 23 июня главное командование и Генеральный штаб разослали директиву – ввести в бой механизированные корпуса, выбросить противника с советской земли.

Однако командование фронтов принялось организовывать контрудары в страшной спешке. Почти ничего не знало о собственных частях, о противнике. Радиосвязь была не налажена, телефонные и телеграфные провода оказались перебиты бомбами или перерезаны диверсантами. Пока связной находил нужный штаб, передавал пакет с донесением, обстановка уже менялась. На основе неверных донесений составлялись ошибочные приказы. Новые связные везли их в войска – а обстановка продолжала меняться.

Получив эти приказы, танковые колонны двинулись на исходные рубежи для атаки. У многих машин был выработан моторесурс, они ломались по дороге. А в воздухе постоянно висела гитлеровская авиация, бомбила и расстреливала танкистов. Еще не вступив в бой, корпуса несли страшный урон. Мало того, немецкие летчики предупреждали свои наземные дивизии. Они успевали развернуться, выдвинуть артиллерийские заслоны. Атакующие танки нарывались на убийственный огонь.

Иногда все-таки опрокидывали неприятеля. Но выяснялось, что тот или иной корпус нацелили неправильно, на второстепенный участок. Его успех никак не сказывался на общем ходе сражения. Наступающие танки застревали где-нибудь без снарядов и горючего. Причем не знали, что рядом находятся склады горюче-смазочных материалов, боеприпасов. Охрана тоже не знала, что поблизости свои танкисты, бросала или взрывала склады. А личному составу несчастного мехкорпуса оставалось только бросать танки и пешком, по лесам и болотам, выбираться к своим.

Красноречивую картину, что творилось в приграничных областях, рисуют, например, мемуары Симонова. Никто не знает, где свои, а где чужие. То и дело бомбят немецкие самолеты. Дороги завалены горами машин и телег. Обтекая пробки и ямы, катятся потоки беженцев. В другую сторону маршируют колонны безоружных призывников, идут к уже не существующим полкам и дивизиям, прямо в плен. Немецкие танки возникают неожиданно, то там, то здесь [122]. Растекаются слухи про непонятные вражеские десанты, возникают импровизированные отряды. Одни хотят обороняться, другие найти своих, третьи уже спасаются.

Северо-Западный фронт начал было налаживать оборону в Литве под Алитусом. Но в лоб на него навалилась группа армий «Север». И здесь же, в полосе Северо-Западного фронта, началось наступление левого крыла группы армий «Центр». В Литву вторглось сразу две танковых группы, 4-я Гепнера и 3-я фон Гота. Советские полки, начавшие копать окопы, не могли выдержать таких ударов, их прорезали, как ножами.

Во исполнение приказа Москвы был нанесен контрудар, у городка Расейняй на немцев устремились два механизированных корпуса, около тысячи машин! Но часть танков вышла из строя или была уничтожена еще на марше. Остальные схлестнулись во встречном сражении

с танковой группой Гота. Их жестоко расстреливали подтянутые на острие атак германские зенитные части, а танковая группа Гепнера обошла и вклинилась в русские тылы. Оба корпуса практически погибли. Командование Северо-Западного фронта приказало войскам отходить за Западную Двину. Но немецкие авангарды опередили. Проскочили за Двину раньше, чем наши части закрепились на рубеже реки. Ворвались в Ригу, заняли Даугавпилс.

На участке Западного фронта самым уязвимым местом являлся выступ границы возле Белостока. Это была «естественная» заготовка для окружения. Немцы наметили подрезать горловину и взять в кольцо две советских армии, 3-ю и 10-ю. Но и для командования этих армий угроза была очевидной. На горловину коридора сразу же были направлены лучшие соединения, несколько дней сдерживали натиск противника. А прочие войска выводились из наметившегося мешка. Только 28 июня гитлеровцы сломили оборону на флангах и замкнули окружение. Но другие армии оказались менее стойкими. В эти же самые дни враг проломил боевые порядки на соседних участках. Соединения 3-й и 10-й армий, выскользнувшие из белостокского окружения, угодили в котлы меньшего размера – под Берестовицей, Волковыском, Мостами.

Чтобы закрыть дыру, возникшую в центре Западного фронта, навстречу немцам спешно выдвигались стратегические резервы, еще две армии, 13-я и 4-я. Под Минском оставались старые укрепления «линии Сталина». Они были разоруженными, но бетонные доты и казематы никуда не делись. Если занять их войсками, можно было организовать очень прочную оборону. Однако в Литве, как уже отмечалось, вместе с группой армий «Север» наступала 3-я танковая группа Гота. После взятия Вильнюса она резко повернула направо. Двинулась по русским тылам, ее уже никто не останавливал. А навстречу ей с юга шла 2-я танковая группа Гудериана. Восточнее Минска они соединились. В новом грандиозном котле очутились и столица Белоруссии, и остатки войск, отходившие с запада, и второй эшелон, 13-я и 4-я армии...

На Юго-Западном фронте граница тоже имела выступ – возле Львова. Здесь германские стратеги готовили еще одно масштабное окружение. Подрубить под основание львовский выступ должна была 1-я танковая группа фон Клейста. Но на южном крыле советское командование располагало гораздо большими силами, чем в Белоруссии или Прибалтике. Наперерез Клейсту было брошено 6 механизированных корпусов, 2500 танков. В районе Дубно – Луцк – Броды разыгралось невиданное по масштабам танковое сражение. Советские силы в пять раз превосходили противника! Но использовали их крайне неумело. Корпуса вводились в битву по одному. Мало того, войска посылали в контратаки по мере подхода к фронту, и сами корпуса расплывались по бригадам. Не было налажено толковое взаимодействие между мехкорпусами и с другими войсками.

А Клейст грамотно манипулировал своим кулаком, отслеживал перемещения русских, давил корпуса и бригады по очереди. В их составе было много старых легких танков Т-26 и БТ-7. Они покрывали украинские поля и холмы россыпями коптящих костров. Самая мощная советская бронетанковая группировка оказалась растрепанной. Хотя германскую попытку окружения она сорвала. Советские части на Украине отходили в порядке, удерживали целостность фронта. И только здесь, на Юго-Западном фронте, удалось сформировать из саперов несколько подвижных команд с запасами взрывчатки. Они отступали вдоль железнодорожных магистралей, взрывали за собой тоннели, мосты [53].

Но в Белоруссии фронт рухнул окончательно. В котлах погибали 11 стрелковых, 2 кавалерийских, 6 танковых, 4 моторизованных дивизии. Некоторые части отчаянно дрались до конца, как защитники прославленной Брестской крепости. Другие пользовались тем, что окружения были не плотными – немецкие подвижные отряды перекрывали только дороги. Побросав технику и тяжелое вооружение, воины углублялись в чащобы и болота, голодали, изнемогали, хоронили друзей, но брели на восток, к своим. Впрочем, далеко не все вели себя подобным

образом. Большинство командиров и солдат сломались морально. Именно это оказалось главной бедой Красной армии.

В 1917 г. царские войска были разрушены идеями «пролетарского интернационализма». Революционные агитаторы внушали, что воевать-то не за что. Отечество – пустой звук, а немцы – «братья по классу». Потом душу и психику народа калечили катастрофы Гражданской войны. А в 1922–1923 гг. была разгромлена православная церковь, уничтожили 15 тыс. священников, монахов, монахинь, православных мирян. Тысячи людей разослали по тюрьмам, переморили на Соловках. Но прихожан, пытавшихся защитить свои храмы и батюшек, оказалось не так уж много, большинство народа отнеслось к погромам равнодушно. Или благоразумно помалкивало.

Новые удары по церкви и верующим последовали в 1928–1931 гг. Третья разрушительная волна прокатилась в 1937 г. Правда, в это же время Сталин начал переосмысливать политику, менять курс Советского Союза. Начал поворот от революционного бреда в государственно-патриотическую систему ценностей, восстанавливать преемственность с прежней Россией, ее историей, культурой. В ноябре 1939 г. были прекращены и гонения на церковь. В декабре Берия доложил Сталину об освобождении около 24 тыс. человек, осужденных по «церковным» делам, и о намерении освободить еще 15 тыс. Но и в этом отношении перемены только намечались и начинались...

Случайное ли совпадение – в июне 1941 г. в армии служили солдаты 1922–1923 гг. рождения. Ровесники разгрома церкви! Дети, появившиеся в свистопляске кощунства, от блудных невенчанных связей, некрещенные. Они росли в атмосфере безбожия, отравлялись химерами «интернационализма», когда само понятие патриотизма воспринималось как оскорбление. А командирами и комиссарами у них были вчерашние комсомольские активисты – те, кто сам громил храмы, устраивал безбожные карнавалы, забрасывал грязью крестные ходы. Этому поколению *не за что* было стоять насмерть. Нужно ли драться и погибать, если немцы – братья по классу? Да и вообще, как можно погибать, если за гробом ничего не будет? Логика подсказывала обратное. Надо цепляться за эту жизнь. Единственную...

Хотя одновременно проявлялись иные явления. Многие жители Советского Союза крепко запомнили бедствия «красного террора», раскулачиваний, коллективизации, голодомора. В селах нередко встречали немцев колокольным звоном и хлебом-солью. Открывали закованные храмы, распускали колхозы, выбрасывали портреты вождей и доставали припрятанные иконы. Ну а солдаты поднимали руки вверх. У каждого это получалось по-своему. Один жаждал уцелеть. Второй выбивался из сил, живот подводило голодом, а в разбросанных листовках обещали накормить. Третий верил, что немцы пришли освобождать его от коммунизма. Разве трудно найти повод, чтобы оправдать себя?

Сталинский приказ № 0019 от 16 июля 1941 г. констатировал: «На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие». В Белостокском и Минском котлах в плен попало более 300 тыс. человек. Из них 20 тыс. сами перешли на сторону немцев! Как раз такие прецеденты породили печально известный приказ № 270 от 16 августа, объявлявший добровольную сдачу в плен предательством.

Немало солдат просто разбегалось. В полосе одного лишь Юго-Западного фронта за неполный месяц с 22 июня по 20 июля 1941 г. был задержан 75 771 дезертир! А сколько ускользнуло по лесам и деревням? На разгромленном Западном фронте сосчитать дезертиров было вообще невозможно. Кто там разберет – дезертир, окруженец? Сотни тысяч солдат даже не пытались выходить к своим. Зачем? Снова под обстрел, под танки, в окружение? Они не поднимали руки вверх, но считали, что война для них кончилась. По деревням хватало вдов, солдаток. Дезертиры селились у них в «примаках», по хозяйству помочь, постельку погреть – всем хорошо, всем удобно.

А в итоге оказывалось, что упорную оборону немцы встречали лишь на отдельных участках. Наткнувшись на полк или дивизию, настроенную биться до последнего, прощупывали рядом. Разгоняли менее стойкие войска, и герои, удержавшие свои позиции, попадали в ловушку. 3 июля начальник германского Генштаба Гальдер записал в дневнике: «Не будет преувеличением сказать, что война выиграна в течение двух недель». Он был близок к истине. На центральном и северном направлениях фронт был взломан. Прикрывавших его армий больше не существовало.

3. О корнях нацизма

Торжество безбожия в XX в. не являлось особенностью одного лишь Советского Союза. Просто в России ослабевшую веру пытались доломать насильно. А на Западе ее подрывали и выхолащивали изнутри. Германия не была исключением. Еще в Средние века здесь распространялись ереси манихеев, николаитов, крестоносцев-тамплиеров. А в XVII в. заявил о себе орден розенкрейцеров. Он обращался к некоей высшей мудрости древнего язычества – Египта, Вавилона, Греции. Утверждалось, что человек, обладающий тайными знаниями, может стать божеством. Ему откроется власть над силами природы и всем миром, путь к бессмертию. Розенкрейцеры взяли под покровительство германские императоры, князья, они породили несколько масонских течений.

Но немецким интеллектуалам казалось несправедливым заниматься только египетскими или древнееврейскими учениями. К каббалистике они добавили германскую руническую магию. Повальный ажиотаж вызвали труды Блаватской. Поисками мудрости и прародины ариев увлеклось даже духовенство. Настоятель австрийского монастыря Ламбах Теодор Хаген совершил большую поездку по Кавказу и Ближнему Востоку, привез множество старинных рукописей. На их основе монах Йорг Ланс фон Либенфельс создал в Вене «Орден нового храма». В 1908 г. от него отпочковался орден фон Листа, а потом в Германии была учреждена «Ложа Вотана». Она строилась по образцу масонских, но наполнялась германским языческим содержанием. В 1912 г. ложа была преобразована в более широкий Германский орден – подразумевалась его преемственность как от розенкрейцеров, так и от Тевтонского ордена крестоносцев.

Адепты ордена в полной мере разделяли и геополитические программы крестоносцев: экспансия на Восток, покорение «неполноценных» народов. Одним из активистов данной организации стал каббалист, астролог и масон Глауэр, он же барон фон Зеботтендорф. Он взялся создавать филиал Германского ордена в Баварии. Назвал его «Общество Туле» – на эмблеме изображались кинжал и свастика. В 1918 г. Германия потерпела поражение в мировой войне, рухнула в революцию. В этом хаосе Глауэр нацелил «Общество Туле» на политическую борьбу, «пока свастика не воссияет над холодом темноты». Призывал своих последователей на подвиги во имя языческой «троицы», «Вотана, Вили и Ви», «бога Вальватера, руны Ар». Была куплена газетенка «Мюнхенер беобахтер» («Мюнхенский обозреватель»), ее переименовали в «Фолькишер беобахтер» («Народный обозреватель»). Членам «Туле» Харреру, Федеру и Дрекслеру Глауэр поручил идти «в народ», учредить «Немецкую рабочую партию».

Правда, самого Глауэра его товарищи заподозрили в нечистоплотности, обвинили в пропаже общественных денег, и он предпочел исчезнуть – начал зарабатывать оккультными курсами то в Австрии, то в Турции. Но в «Немецкую рабочую партию» в сентябре 1919 г. вступил Адольф Гитлер, безработный ефрейтор, отиравшийся при политическом отделе баварского армейского округа. В 1921 г. эта партия объединилась с Немецкой национальной социалистической партией Юнга и Немецкой социалистической партией Шлейхера – возникла Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, НСДАП. Других лидеров Гитлер постепенно оттеснил на задний план. Впрочем, играть в политику в тогдашней Германии было легко. Изливай возмущение, ругай правительство, ностальгически вспоминай о былом величии родной державы – и тебе обеспечено множество единомышленников.

А возмущаться было чем. Победители в мировой войне не преминули отыграться на побежденных. Германию разоружили, обрезали ее территории, лишили колоний. Всячески старались «демократизировать», а это вылилось в бестолковщину, злоупотребления, повальное воровство, страну лихорадили кризисы. Германской союзнице Австро-Венгрии пришлось еще хуже, ее вообще расчленили на части. Нашлись обиженные и в лагере победителей. Япония нацеливалась захватить германские владения в Тихоокеанском регионе, по-хозяйски устро-

иться в Китае, но США, Англия и Франция не позволили. Обделили и Италию. Те же американцы с англичанами и французами не дали ей почти ничего из обещанных земель. Она надорвалась в войне, разгулялась преступность. Демократическое правительство погрязло в коррупции, покрывало откровенные хищничества. На заводах то и дело вспыхивали забастовки.

В такой обстановке возник фашизм – это слово означает «объединение», «сбор». Редактор левой газеты Бенито Муссолини принялся консолидировать всех, кто желал оздоровления страны. В октябре 1922 г. он провозгласил общий марш на Рим, армия стала переходить на его сторону, и король Виктор Эммануил предпочел договориться. Назначил Муссолини премьер-министром, фашистская партия стала правящей, парламент вручил Муссолини диктаторские полномочия, он принял титул дуче – «вождя». На первых порах он добился значительных успехов. Навел в стране порядок, прижал революционеров, разгромил даже мафию, крестные отцы косяками побежали в Америку.

Но в мировой войне не достигли своих целей и США. Точнее, американская «закулиса», финансовые и промышленные столпы. Они несказанно разбогатели на поставках оружия и товаров воюющим странам, и в окружении президента Вильсона вызрел так называемый «план Хауса». Америка нацеливалась ни больше ни меньше, как... на мировое господство. Были организованы революции в России, потом в Германии. При этом усиленно внедрялась версия, будто мировая война со всеми ее бедствиями разразилась из-за недостаточной «демократичности» европейских держав.

Чтобы предотвратить подобные вещи в будущем, требовалось расширять «демократию». А США, таким образом, превращались в мирового учителя и контролера «демократии». На этих принципах основывалась программа переустройства международных отношений Вильсона, принятая Версальской конференцией. Учреждалось «мировое правительство», Лига Наций, где должны были лидировать США [5].

Однако «старая» финансово-политическая «закулиса» Англии, Франции, Италии отнюдь не для того крушила Германию и плела заговор против России, чтобы посадить себе на шею Америку. Эта «закулиса» была опытнее американской, а в те времена и побогаче. Вильсон считал себя всемогущим в Европе, но мину подвели у него на родине. Несколько лет назад он обманул американцев. Выиграл на выборах как противник войны, а став президентом, вступил в нее. Теперь европейские соперники подкормили оппозицию, в США раздули скандал. Вильсона обвиняли – он понапрасну погубил сотни тысяч американских парней. А если втянется в европейские дела, то США и впредь будут лить кровь и тратить средства на чужие проблемы. Сенат отказался ратифицировать Версальский договор и вступать в Лигу Наций. Президент пробовал бороться, от перенапряжения его хватил удар, и первый прорыв Америки к мировому господству сошел на нет. Но планы-то не забылись, они выглядели ох как лакомо!..

20 ноября 1922 г. в Мюнхене произошло незаметное, но весьма любопытное событие. Из Берлина приехал помощник американского военного атташе в Германии капитан Трумэн Смит. По адресу Георгенштрассе, 42, его ждали. Капитан составил отчет об услышанном: «... Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Только диктатура может поставить Германию на ноги... Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на немецкой земле, а не на американской или английской...» [9]. Собеседником Трумэна Смита был Гитлер. Хотя в 1922 г. он был еще никем. Лидер крохотной партии, в Германии такие плодились сотнями. Но все же американский офицер получил чей-то приказ, ехал в Баварию, писал доклад. Гитлера заметили. Обратили на него внимание...

А дальнейшие события показывают, что встреча не прошла бесследно. В сентябре 1923 г. посла США в Германии Хьютона посетил немецкий «металлургический король» Стайннес. Он говорил: «Надо найти диктатора и дать ему необходимую власть. Этот человек должен гово-

речь понятным народу языком, и такой человек уже есть. В Баварии началось большое движение...» Описывался путь привода к власти: «Президент назначит диктатора, который покончит с парламентским режимом. С коммунистами безжалостно расправятся, и в Германии воцарится порядок. Тогда США смогут без опаски вкладывать капиталы в немецкую промышленность». Спустя 10 лет реализуется именно этот механизм. А бывший канцлер Германии Брюнинг в своих мемуарах сообщал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он начиная с 1923 г. *получал крупные суммы из-за границы*» [9].

Но в это время дорваться до власти нацистам еще не удалось. Попытка Гитлера повторить поход Муссолини на столицу, «Пивной путч» в ноябре 1923 г., кончилась провалом и арестом. Хотя у него нашлись влиятельные покровители, и суд получился беззубым. За вооруженный мятеж, повлекший гибель 19 человек, глава нацистской партии получил 5 лет условно с испытательным сроком 4 года. А реально просидел в тюрьме Ландсберг 13 месяцев и 20 дней. Условия ему создали комфортабельные, он писал свою программную книгу «Майн кампф». Его товарищем по заключению стал один из сообщников Рудольф Гесс – человек образованный, очень эрудированный. Он взял на себя обязанности секретаря Гитлера, помогал в работе.

В тюрьму пускали гостей, и арестантов регулярно навещал наставник Гесса Карл Хаусхофер – мы о нем уже упоминали в первой главе. Личностью он был неординарной. Служил военным советником при японской армии, углубился в самурайские оккультные учения, был посвящен в тайный орден Зеленого дракона. Его допустили в закрытые буддийские монастыри, он побывал в Тибете, изучал черную религию бон. В Первую мировую он дослужился до генерала. Прославился своими способностями точных предсказаний – как будет развиваться та или иная операция, как завершится бой. После войны стал преподавать в Мюнхенском университете, основал Немецкий институт геополитики, издавал журнал «Геополитика».

Но устремления Хаусхофера нацеливались в иные сферы, магические. В большой атмосфере демократической Германии люди жадно тянулись к оккультным изысканиям, и из «Общества Туле» профессор выделил другую организацию, для более высокого уровня посвящения – «Орден Братьев Света». Позже его переименовали в «Общество врил». К структурам Хаусхофера присоединялись родственные организации «Господа черного камня», «Черные рыцари Туле», «Черное солнце». Экспериментировали с магическими ритуалами, искали контакты с потусторонними силами. Утверждалось, что существует другой мир, подземный, где светит «черное солнце», лежит «подземная евразийская империя ариев». Некоторые оккультисты отождествляли ее с Валгаллой, миром германских языческих богов и погибших героев. Считалось, что оттуда можно черпать «энергию врил», установить общение с «Высшими Неизвестными» или «Умами Внешними» [102].

В общем-то, в христианстве давно известно, как именовать этих «неизвестных» и чего от них можно ждать. Но adeпты тайных знаний отмахивались от христианства. Теоретик «Общества Туле» Альфред Розенберг называл его «римско-сирийско-еврейским мифом». Еще одна активистка, Матильда Людендорф, вовлекшая в темные учения мужа, генерала Людендорфа, яростно доказывала, что Германию погубило христианство вместе с еврейством. Были и adeпты вроде Гиммлера, допускавшие христианскую веру, но считавшие ее лишь «частным случаем», одним из проявлений некой глобальной мировой религии, доступной лишь посвященным.

Мы не знаем, о чем говорил Хаусхофер с двумя заключенными тюрьмы Ландсберг. Гитлера он считал «недоучкой». В списках «Общества Туле» он значился как «посетитель». Однако в нем отмечали очень сильные способности медиума – то есть человека, который может выступать посредником между земным миром и потусторонними сущностями. Существуют предположения, что Хаусхофер и подобные ему учителя раскрыли перед Гитлером некоторые секреты публичных речей – как готовить себя, как электризовать массы, манипулировать их настроениями. Во всяком случае в «Майн кампф» отразились программные документы «Общества Туле» и геополитические взгляды Хаусхофера. А впоследствии Гитлер утверждал,

будто черпает свою энергию «из Валгаллы», да и решения ему подсказывают некие высшие силы...

Хотя о Германии не забывали и другие силы. Тоже темные, но вполне земные. В 1924 г. на Лондонской конференции стран Антанты представители США и Англии настояли, что огромные репарации, которые немцы платят Франции, мешают восстановить экономику Германии. А это ведет к нарастанию революционной опасности. Был принят американский план Дауэса, предусматривающий для Германии крупные кредиты. План являлся детищем высшей финансовой элиты США. К его реализации подключились Морган, Барух, Кан, Мельхиор, Рокфеллеры, Диллон, Варбурги. Кстати, все эти банкиры принадлежали к той же самой группировке, которая недавно стояла за президентом Вильсоном и содействовала проектам мирового господства. Теперь их кредиты привели к интенсивному внедрению американцев в немецкую экономику. Заокеанские компании становились совладельцами германских предприятий, создавали с немцами совместные фирмы. Когда программа плана Дауэса была исчерпана, был принят новый план Юнга...

Одним из разработчиков и проводников этих планов являлся дрезденский банкир Ялмар Горадио Грили Шахт. Впрочем, он был в большей степени американцем, чем немцем. Отец его был гражданином США, крупным предпринимателем. В США у Ялмара жили два брата и три дяди – все банкиры. А сам Шахт очутился вдруг рядом с Гитлером, стал его финансовым советником! У фюрера появился и экономический советник, Вильгельм Кепплер. Владелец 50 % акций заводов фотопленки «Один-верке». Вторая половина акций принадлежала американской фирме «Истмен-кодак». Наконец, возле Гитлера нарисовалась фигура Курта фон Шредера. Его родственникам принадлежали британский банк Scroders, американский банк J. Henry Scroder Bank amp; Trust Co. Шредеры были связаны с Морганами, Рокфеллерами. А упомянутый Курт фон Шредер, владелец кельнского банка «Штайн», являлся зятем Рихарда Шницлера, хозяина химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Который, между прочим, состоял в картельной связи с рокфеллеровской компанией «Стандарт ойл». Куда ни кинь, мы всюду натываемся на «американский след» [9]!

Усилиями теневого «друзей» к финансированию нацистов были подключены многие фирмы. В 1926 г. Гитлер дважды выступал перед тузами немецкой промышленности, в 1927 г. написал брошюру «Пути к возрождению», где изложил свою программу для делового мира. «Отмывочной» структурой, через которую потекли деньги, стала партийная «касса взаимопомощи». Ведали ею Гесс и Борман, она предназначалась для выплат штурмовикам, пострадавшим в драках или арестованным. Но имела официальные счета и принимала пожертвования – мало ли кто захочет помочь покалеченным? Суммы переводились такие, что на предвыборные кампании хватало. Среди спонсоров были не только немцы. Историки называют британского нефтяного магната Детердинга, чьи субсидии Гитлеру достигли 10 млн марок, английского «газетного короля» Ротермира, австрийских Ротшильдов.

В 1929 г. в США разразилась Великая депрессия. Современные исследователи доказали, что она была организована искусственно. Причем среди авторов называют фамилии, уже мелькавшие выше, – Барух, Диллон, Кан, Варбурги, Морган. В самый день «черного вторника», 23 октября 1929 г., Барух привел на Нью-Йоркскую биржу своего друга, Уинстона Черчилля. Похоже, чтобы продемонстрировать собственное могущество – начало обвала акций, катастрофы мирового значения. Кризис помог группировке олигархов раздавить конкурентов, а кроме того, привести к власти Франклина Делано Рузвельта. Он был одним из выдвиженцев Вильсона. Режиссерами его предвыборной кампании в 1933 г. стали бывшие советники Вильсона Хаус и Барух. Они же вошли в «команду Рузвельта» вместе с Варбургами, Маршаллом и др.

Этот кризис немало способствовал и переменам в Германии. Она была слишком тесно связана с американским капиталом и пострадала очень сильно. Число безработных достигло

6,5 млн. Под предлогом чрезвычайных мер началось давление на президента Гинденбурга и канцлера Брюнинга, чтобы они отдали власть нацистам. Посольство США в Берлине 23 сентября 1930 г. доносило в госдепартамент: «Нет сомнения в том, что Гитлер получает значительную финансовую поддержку от крупных промышленников... В последнее время складывается впечатление, что влиятельные финансовые круги оказывали и оказывают на канцлера давление, чтобы предпринять эксперимент и допустить нацистов к власти... Как раз сегодня получены сведения из обычно хорошо информированных источников, что представленные здесь различные американские финансовые круги проявляют большую активность именно в этом направлении».

Бесценное свидетельство, исходящее от самих американцев! А канцлер Брюннинг писал, что «группа крупных предпринимателей», продвигавших Гитлера, наведывалась для совещаний к послу США в Берлине М. Секетту. В 1931 г. Гитлер поручил своему экономическому советнику Кепплеру организовать кружок тузов бизнеса, которые будут консультировать партию по всем экономическим и финансовым вопросам. В кружок вошли Шахт, Шредер, Хельферих (глава германо-американской фирмы «Эссо»), Бингель (глава связанного с американцами концерна «Сименс – Шуккерт») и др. 19 ноября 1932 г. эта когорта подала Гинденбургу коллективную петицию, решительно требуя передать власть Гитлеру.

Нацистов поддерживали германские военные – ведь Гитлер обещал отменить ограничения армии и вооружений, наложенные после Первой мировой. За НСДАП голосовали рабочие, крестьяне – им были обещаны всяческие льготы, выход из кризиса, возрождение великой державы. Но в этом же направлении развернули бурную деятельность оккультные круги! В 1932 г. Германский орден и другие родственные структуры предложили Гитлеру сан Великого магистра – и фюрер не отказался, принял его. Исследователи отмечали, что с этого времени на массовых действиях Гитлер демонстрировал один и тот же жест, характерным образом скрещивал руки на груди. Именно так в документах Германского ордена описывается знак власти, ритуальный жест Великого магистра. Он известен и в манускриптах чернокнижников, розенкрейцеров – как «символ смерти и воскресения, используемый в ритуале вызывания мертвых» или «символ Осириса, который является синонимом Рогатого Бога или Бога Смерти...».

Фюрер таким образом показывал посвященным – ему надо повиноваться. Но и вызывал к потусторонним силам, он вправе рассчитывать на их помощь. Кстати, основатель «Общества Туле» Глауэр-Зеботтендорф, ездивший в эти годы по Америке, тоже считал нужным прикатить в Германию. Он попытался примазаться к нацистам, накропал и издал книжку «Прежде чем пришел Гитлер», где выпячивал оккультную предысторию партии, заслуги «Туле». Поведал он и о возведении фюрера в сан Великого магистра. Правда, после победы нацистов тираж книги изъяли, а Глауэра арестовали. Но смело можно предположить, что он проболтался не случайно, а согласовал утечку информации с руководством НСДАП. Просто Глауэр оповестил Германию о таких вещах, о которых нельзя было оповещать официальным образом. Конфискация книги привлекла к ней внимание, стали расползаться слухи: Гитлер – не какой-нибудь функционер, а священный вождь нации! В пользу данной версии говорит тот факт, что Глауэра не устранили, не отправили в концлагерь. Он был принят на государственную службу в военную разведку, абвер. Получил важное и высокооплачиваемое назначение резидентом в Турции.

Наряду с оккультными интригами закручивались и политические. 4 января 1933 г. на вилле Шредера состоялась секретная встреча Гитлера с недавним рейхсканцлером (и другом Шредера) фон Папеном. На ней фюрер, банкир и его приятель выработали соглашение о конкретных условиях передачи власти. После чего, по уговорам Папена, впадающий в старческий маразм Гинденбург отправил в отставку правительство Шлейхера и назначил рейхсканцлером Гитлера... На 5 марта были назначены выборы в рейхстаг, и уж с деньгами для предвыборной кампании проблем не возникло. Шахт созвал финансистов и промышленников, и за несколько

минут ему накидали 3 млн марок. Нацисты одержали победу, а Шахт стал президентом Рейхсбанка.

Правда, хозяйство ему досталось незавидное. Внешний долг Германии составлял 23,3 млрд марок. Только по процентам она платила каждый год 1 млрд. Крепко захомутали. Но Шахт в мае поехал в США. Встретился с президентом, его советниками, тузами Уолл-стрит. Произносил речи, что «нет в мире более демократического правительства, чем правительство Гитлера». В Германии уже царил террор, повальные аресты политических противников, страну покрыла сеть концлагерей. Однако американцы «поверили» Шахту, выделили дополнительные займы!

В июне Шахт прибыл на экономическую конференцию в Лондон. Встретился с директором Английского банка Норманом и тоже получил заем, миллиард фунтов. Его называли «финансовым чародеем», и он действительно творил «чудеса»! Добился сокращения, а потом вообще прекращения платежей по старым займам! Уж кто-кто, а западные банкиры всегда очень скрупулезно относились к долгам (о долгах царского правительства почти сто лет помнили). Но немцам с какой-то стати простили миллиарды! Одним махом!

В августе 1933 г. на прием к Гитлеру явилась первая делегация крупных дельцов США. Возглавил ее руководитель концерна «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» Состенес Бенн. Его фирма уже широко сотрудничала с немцами, совместно с «Сименс – Шукерт» основала свои филиалы «Лоренц» и «Стандарт электрик». От Гитлера «Стандарт электрик» получил выгодные военные заказы, а «Лоренц» приобрел 28 % акций заводов «Фокке – Вульф», которые вскоре начнут штамповать самолеты. Подсустились и другие. Компания «Стандарт ойл» начала строить в Гамбурге огромный завод по производству авиационного бензина. Концерн «Дженерал моторс» входил в единый картельный организм с фирмой «Опель» (бронетранспортеры, тягачи, машины), вложил 30 млн долларов в предприятия «ИГ Фарбениндустри». Морган финансировал строительство авиационных заводов.

Картина-то открывается, мягко говоря, своеобразная! *Большинство* военных предприятий гитлеровской Германии стали *совместными* и так или иначе и связанными с США! И при этом все филиалы американских фирм в Германии исправно отчисляли положенную часть прибыли в «Фонд немецкой экономики имени Адольфа Гитлера» – средства из которого шли на вооружение. Значительно позже, во время Нюрнбергского процесса, в беседе с тюремным психиатром Джильбертом Шахт будет смеяться: «Если вы, американцы, хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогали вооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе».

Спрашивается, ради чего предпринимались усилия? Французам и англичанам морочили головы – что Германия вооружается против СССР. Но в ближайшем окружении фюрер озвучивал совсем другие планы. Сперва сокрушить Запад, и только после этого повернуть на Восток! Именно это в полной мере устраивало заокеанских олигархов. Немцам предстояло сломать старый, европейский «мировой порядок», где первые скрипки играли Англия и Франция. Конечно, возвышение Германии для США тоже было неинтересно. Но фюрер намеревался схлестнуться с русскими. Пускай завязнет, измочалится в борьбе, а потом можно будет как-нибудь устранить его. Тогда-то откроются пути к установлению американского господства.

Разумеется, сам фюрер не представлял, что в планах американской «закулисы» ему отводится роль «ледокола». Но до поры до времени его планы совпадали с американскими. Поэтому Гитлеру прощалось все! Он перечеркнул Версальские ограничения, наращивал армию, флот. Разрастались структуры гестапо, функционировали Бухенвальд и Равенсбрюк – но мировая общественность этого «не замечала». Даже расовых Нюрнбергских законов «не заметила»! В 1936 г. в Германии прошли Олимпийские игры – ни одна страна не отказалась в них участвовать. Французская делегация, выйдя на стадион, изобразила нацистское приветствие, публика ответила ревом восторга. В 1937 г. Франция пригласила Германию принять участие во Все-

мирной выставке. Нацистских вождей приняли в Париже весьма радушно, никто не устраивал им обструкций, не выражал отвращения.

Британская газета «Дейли мейл» писала: «Выдающаяся личность нашего времени – Адольф Гитлер... стоит в ряду тех великих вождей человечества, которые редко появляются в истории». Фюрером восхищался Ллойд Джордж, приезжал в гости. Видный американский политик С. Уоллес провозглашал: «Экономические круги в каждой отдельной западноевропейской стране и Новом Свете приветствуют гитлеризм». Да и почему бы не приветствовать, если надвигающаяся война уже приносила колоссальные выгоды и сулила еще большие?

Здесь можно сопоставить два факта. Фюрер окончательно упрочил свое положение летом 1934 г. В «Ночь длинных ножей» истребил буйную оппозицию штурмовиков. Заодно перебил прочих неугодных деятелей. А престарелый Гинденбург засобирался в мир иной. 1 августа 1934 г. Гитлер издал закон о совмещении функций рейхсканцлера и президента. Стал единовластным хозяином Германии. Отныне никто не мог отправить его в отставку. Как вы думаете, случайное ли совпадение? В это самое время, 1 августа 1934 г., в Швейцарии был принят беспрецедентный закон о тайне банковских вкладов. Согласно которому тайна не может быть раскрыта никому, даже по решению суда. Отныне никто и никогда не мог узнать, какие средства и откуда потекут через швейцарские банки в соседнюю Германию.

Кстати, при изучении загадок Второй мировой войны обычно не обращают внимания на одну из самых явных. Почему Гитлер, захватив почти всю Европу, не тронул Швейцарию и Швецию? Другие нейтральные страны захватывал запросто, между делом. Но две сохранил. Одну с портами, через которые Германия могла получать товары откуда угодно. В том числе из держав противника! Вторую – с мощным узлом банков. В Базеле можно было перейти через улицу и попасть в другое государство. Или одна половина дома располагалась в Германии, а вторая в Швейцарии. В подобных условиях работало, например, «Бюро международных расчетов». Британские, французские, германские солдаты могли убивать друг друга, а британские, французские, немецкие, американские банки в мирном швейцарском городке проводили взаимные расчеты – здесь было тихо, выстрелы не мешали.

4. Где начиналась война?

Историческая наука далеко не всегда бывает объективной. Взять хотя бы вопрос – когда началась Вторая мировая война? Даже в таком, казалось бы, простом вопросе хватает разночтений. В СССР было принято рассматривать события с 22 июня. С одной стороны, для нашей страны серьезная война началась только с этой даты. С другой, до 22 июня Советский Союз выступал фактическим союзником Германии. Вспоминать об этом было не слишком приятно. Войну с финнами 1939/40 гг., походы в Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию, сражения на оз. Хасан и Халхин-Голе рассматривали не в рамках Второй мировой, а в качестве отдельных событий.

В международной традиции начало Второй мировой связывают с нападением на Польшу 1 сентября 1939 г. Вступились Англия, Франция – и покатилося... Но ведь до Польши были захвачены Австрия и Чехословакия. Правда, без крови. Их подарили немцам западные державы. Вот тут-то и загвоздка. Если брать дату 1 сентября 1939 г., то подарили еще в мирное время. Нацисты еще не были врагами «цивилизованного человечества», сотрудничество с Гитлером вроде не было преступлением. Ну мало ли, натравливали Германию на русских. Разве это серьезный грех?

На самом же деле сражения мировой войны захлопотали гораздо раньше. 18 сентября 1931 г. Япония вторглась в Китай (явные нестыковки официальная история решает чисто казуистически – дескать, 10 лет войны в Китае и сопредельных странах велись сами по себе и только потом стали частью Второй мировой). В Токио давно уже выжидали удобный момент. После Первой мировой западные державы обидели японцев, не позволили господствовать в Китае и на островах Тихого океана. Между тем Китай уже шесть лет раздирали гражданская война. Правящая партия Гоминьдан под руководством Чан Кайши подавляла самостийных генералов и маршалов, растащивших страну по провинциям. Потом яростно сцепилась с коммунистами.

А Америку и другие западные страны как раз корежила Великая депрессия, лопались банки, останавливались предприятия. Им было не до китайцев, и в Токио ситуацию сочли подходящей. Японцам принадлежала Южно-Маньчжурская железная дорога. Под видом охраны туда собрали войска. Объявили, будто китайцы устроили взрыв на железной дороге, одним махом захватили ближайшие города. Извлекли из политического небытия Пу И, последнего императора династии Цин, свергнутой в 1911 г., и объявили Маньчжурию (северо-восточную часть Китая) отдельной империей Маньчжоу-Го. Хотя Пу И только подписывал документы, подготовленные японскими советниками. А сама его империя стала плацдармом для дальнейших завоеваний.

Великие державы не предприняли никаких мер для обуздания агрессии. Правда, Англия и США оказывали покровительство Чан Кайши. Но... война сулила куда большие выгоды, чем просто покровительство! Китайцам теперь требовалось много оружия, боеприпасов, и зарубежные друзья выражали полную готовность продавать их. Только плати. А если нечем платить, рассчитывайся иными способами – предоставляй монополии, выделяй концессии. Но и для Японии Америка широко поставляла военные товары, а главное – нефть! У японцев нефти не хватало. Без американских поставок остановились бы двигатели их кораблей, автомобили, танки, самолеты [118]...

Но поставки шли без ограничений! Правда, Китай был слишком большой страной. Проглотить его одним махом Япония не могла. Она предпочла откусывать и переваривать постепенно, боевые действия перемежались перемириями. А занятые территории интенсивно осваивались. Японские фирмы прибирали к рукам здешние предприятия, рудники, основывали новые. Крестьян оккупанты облагали огромными налогами. Переписывали скот, землю и

заставляли сдавать почти всю продукцию. Для снабжения городских жителей вводились карточки и жесткие нормы.

Ну а для окончательного закрепления в Китае японцы применили тот же метод, которым когда-то пользовались английские и французские колонизаторы. Наркотизацию. В любом городе, переходившем под контроль Японии, одним из первых приказов легализировалась продажа опиума. Расширялся его ввоз, всячески поощрялось производство на месте. Для крестьян Маньчжурии оккупационная администрация ввела особые нормативы по выращиванию мака. Лица, выполняющие их, освобождались от земельного налога. За перевыполнение предусматривались награды. В зависимости от площадей участка, занятого под опиумный мак, крестьяне освобождались от воинского призыва, получали почетные грамоты, самых активных производителей было велено ставить деревенскими и уездными старейшинами [118].

Города покрывались сетями опиумных притонов. Однако японцам посещать их строго запрещалось, за этим следила военная жандармерия. Хозяина притона, где обслужили японца, могли сразу же казнить. Наркотики оставляли на долю китайцев. Получалось очень удобно. Люди трудились до седьмого пота, чтобы заработать на дозу зелья. Витали в ядовитом дурмане, не доставляя никаких хлопот захватчикам. Неужели наркоман загорится освободить родину? Китайцам предстояло постепенно вымирать – да еще и платить за это! Примерно так же, как в наши времена спиртом и наркотиками сводится в могилы население России...

В 1936 г. советская дипломатия сумела примирить Чан Кайши и коммунистов Мао Цзэ-дуна, сформировался единый антияпонский фронт. Однако японцы не стали ждать, когда Китай усилится. У них «война питала войну». Средства и продукция, которые выкачивались из захваченных областей, позволяли расширять военное производство, формировать новые соединения. В 1937 г. очередное перемирие было отброшено. Одна группировка ударила с севера, легко захватила Пекин. Вторая высадилась в Шанхае и с востока двинулась на Нанкин – в то время столицу Китая.

Войска Гоминьдана пытались обороняться, но на фронте царил неразбериха. Интервенты опрокидывали рыхлые и плохо обученные китайские армии ливнями снарядов, полками танков и броневинов. А к танкам и пушкам японские военные добавили еще одно оружие – ужас. Они не брали пленных, убивали всех китайских солдат, попавших к ним в руки. Оказавшиеся на пути города и села крушили артиллерией, бомбили с воздуха. Впереди наступающих захватчиков катилась волна дикой паники. 13 декабря 1937 г. они ворвались в Нанкин. И тут-то выяснилось, что прошлые кошмары – лишь «цветочки»...

Пленных китайцев гнали колоннами к реке, приказывали входить в воду и расстреливали. Или разбивали на партии поменьше, кололи штыками, рубили головы. Отряды японцев разошлись по кварталам. Грабили дома, убивали всех встречных. Женщин умерщвляли после чудовищных надругательств, кромсали тела, забивали колья между ног. Офицеры вспомнили какое-то старинное поверье – чем больше голов отрубишь, тем больше будет в тебе самурайской доблести. Соревновались, кто обезглавит больше людей? Это продолжалось не день, не два, а шесть недель! Превратив в царство смерти один район, солдаты планомерно переходили в следующий. В Нанкине было перебито более 200 тыс. человек, а по пригородам еще 150 тыс.

Но жуткие факты появились в зарубежной прессе, замелькали в донесениях дипломатов. Даже нацистское посольство в Китае доложило в Берлин о «зверствах японской армии», называло ее «дьявольской машиной». Для самих немцев подобные боины были еще непривычными. А в Токио сочли, что скандалов лучше избежать, одернули своих военных. Впрочем, серьезных скандалов и не было! Публикаций о резне проскочило мало, они не вызвали никакого резонанса. Шокирующие фотоснимки со штабелями трупов и мертвыми изуродованными женщинами стали всплывать и тиражироваться только через четыре года. Когда Япония вступила в войну против США и Англии и пропаганда принялась демонстрировать облик врага.

А поначалу-то японцы не были для них врагами. Они оставались политическими и торговыми партнерами! Стоило ли осуждать зверства собственных покупателей?

Ну а китайские войска после Нанкина дико боялись японцев. Как только неприятель начинал атаку или угрожал обходом, бросались прочь. Пали крупные города Ханькоу, Кантон. Снова были зверства, разве что масштабами поскромнее. Расстрелянных и зарезанных считали не сотнями тысяч, а просто тысячами. Некоторые китайские генералы склонялись к мысли, что сопротивление не имеет смысла, изменяли. Второе лицо в руководстве Китая Ван Цзинвэй тоже проповедовал, что надо сдаваться. Задумался и о том, что хватит быть вторым лицом, пора становиться первым. Перекинулся к победителям, и они учредили еще одно марионеточное государство, «Китайскую республику» Ван Цзинвэя.

Но к этому времени пожары войны уже занялись на других континентах. Муссолини возбудил Италию мечтами о возрождении Римской империи. Но как станешь их воплощать? Когда-то римские легионы маршировали по Европе, Азии, Африке, а в XX в. все было давно поделено. Единственным независимым государством в Африке оставалась Эфиопия, да и лежала очень удобно, между итальянскими владениями в Сомали и Эритрее. Если захватить, можно объединить их. Правда, Эфиопия была членом Лиги Наций, но предотвратить агрессию попытался только Советский Союз, прочие державы его не поддержали.

Осенью 1935 г. итальянцы с нескольких направлений навалились на Эфиопию. Она подняла все свои племена, 800 тыс. человек. Но многие были вооружены луками и копьями, в лучшем случае кремневыми ружьями или однозарядными берданами. А на них пустили танки, с воздуха громили стаями самолетов. Впрочем, итальянские армии проявили себя настолько отвратительно, что эфиопы все равно обращали их в бегство! Но взбешенный Муссолини отбросил Женевскую конвенцию, приказал применять химическое оружие. Летчики начали распылять над городами и селами иприт, фосген. На воинов смертоносный газ наводил суеверный ужас.

Весной 1936 г. сопротивление было сломлено. Эфиопию объединили с Эритреей и Итальянским Сомали в Итальянскую Восточную Африку. Ее население не сдалось, развернуло партизанскую войну. Но итальянцы закрепляли владычество строительством концлагерей. Каратели жгли деревни в непокорных районах, истребляли жителей. Население разбегалось кто куда, хозяйство было разрушено, в стране начался голод. В результате Эфиопия потеряла 750 тыс. жизней! 270 тыс. человек пали в боях, 180 тыс. уничтожили каратели или переморили в концлагерях, 300 тыс. унес голод. Но и эту трагедию «мировое сообщество» как бы не заметило. Лига Наций ввела против Италии чисто формальные санкции, но сама же отменила их через... две недели после падения Эфиопии!

А вслед за Азией и Африкой запылало в Европе – в Испании. Там на выборах победил Народный фронт из левых партий. Из тюрем выпустили политзаключенных, начались конфискации земельных владений, церковной собственности. Это выливалось в грабежи, погромы. Спасти страну решили военные, подняли мятеж. Поддержать Франко горячо вызвались Гитлер и Муссолини. А на помощь республиканцам со всего мира хлынули социалисты, анархисты, коммунисты. Втянули и Сталина. Уговорили, что дело важное и нужное. Однако участие Советского Союза в испанской аванюре обернулось грандиозной провокацией. Германия и Италия направляли туда куда больше войск и техники. Советских военных советников прошло через Испанию 5 тыс., а немцев и итальянцев – 90 тыс.! Но вся западная пресса разразилась шумихой о «коммунистической угрозе», о советской экспансии.

Зато действия Гитлера и Муссолини выглядели оправданными, благородными! Они-то выступали защитниками «цивилизации»! Выступали по-рыцарски, не требуя за это ничего! Хотя их участие в войне отнюдь не было бескорыстным. Они получили возможность испытывать новую технику, обучать военных специалистов. А что особенно важно, фюрер и дуче пускали пыль в глаза мировой «общественности». Теперь всем казалось очевидным, против кого

они наращивают и вооружают армии. Германия не скрывала, даже выпячивала, против кого именно. В ноябре 1936 г. она заключила союз с Японией под выразительным названием «Антикоминтерновский пакт». В 1937 г. к нему присоединилась Италия. Война в Испании унесла полмиллиона человек. Но для Гитлера она принесла колоссальные политические дивиденды. Испания открыла ему дорогу к Мюнхенскому стовору с западными державами. Обеспечила те самые лакомые подарки: Австрию, Чехословакию.

В Азии аналогичным образом поощряли японцев. Намекали, не пора ли повернуть на север. В Токио тоже приходили к выводу, что надо испробовать русских на прочность. На границе участились стычки, провокации. В июле – августе 1938 г. в Приморье у озера Хасан они переросли в серьезные бои. С обеих сторон участвовало несколько дивизий. Японцев все-таки выгнали с нашей территории. Однако они сочли, что имеет смысл попробовать еще раз. Стянуть сил побольше и место выбрать поудобнее. Наметили участок в Монголии, у реки Халхин-Гол. У японцев рядом проходила железная дорога, а русским доставлять сюда подмогу было крайне трудно. От ближайшей станции больше тысячи километров через степи и пустыни!

В 1939 г. в Монголию вторглась 6-я японская армия генерала Огису. Не лишним будет отметить – в эти же самые дни, когда на Халхин-Голе разворачивалось сражение, британский посол в Токио Крейг провел переговоры с министром иностранных дел Аритой. Был заключен договор, согласно которому Англия... признала захваты Японии в Китае! И в эти же дни США продлили торговый договор с Токио о поставках нефтепродуктов. Как можно было расценить их шаги? Разве они не выглядели откровенным поощрением – идите на русских смело. С горючим проблем не будет! И тыл у вас обеспечен, мы не позволим Чан Кайши нападать на вас!

Однако Советский Союз все-таки смог перебросить в отдаленный угол Монголии достаточно войск, а командовать ими был назначен еще малоизвестный генерал Жуков. Армия Огису не просто была отбита. Ее почти полностью уничтожили. Только трупов было зарыто 45 тыс., японцы потеряли все танки, артиллерию [43, 53]. Такого разгрома Япония не знала еще никогда, после Халхин-Гола она весьма заужавала русских. К тому же не только англичане и американцы умели плести дипломатические интриги. Об их поползновениях сталинское правительство знало и реагировало адекватно. Жуков добивал армию Огису, а в Москве в это же время велись переговоры с немцами и был подписан пакт Молотова-Риббентропа. Что ж, в Токио согласились: политику надо менять. В 1940 г. к Сталину пожаловал министр иностранных дел Мацуока, между СССР и Японией был подписан пакт о ненападении.

5. Смоленское сражение

С началом Второй мировой войны США провозгласили нейтралитет, но дополнили его принципом – «плати наличными». За золото или твердую валюту они оставляли за собой право торговать с обеими сторонами. Рузвельт раздавал громогласные обещания – пока он является президентом, американские матери могут спать спокойно, их сыновья не окажутся на фронте. Хотя политическая позиция США выглядела далеко не нейтральной. Они не скрывали симпатий к «братской» Англии, а нацистов, которых сами же американцы помогли вскормить, объявляли агрессорами.

На поддержке «правого дела» заокеанские воротилы неплохо погрели руки. Когда англичан разгромили во Франции, им пришлось бросить под Дюнкерком всю боевую технику – США охотно отгрузили им новое вооружение, а за это подчистую откачали у «братьев» золотовалютные запасы, 4,5 млрд долларов наличными и 335 млн – в американских акциях [44, 138]. И только после того, как сейфы британского казначейства опустели, в декабре 1940 г., Рузвельт ввел закон о ленд-лизе. Оружие предоставлялось как бы в долг, а после войны подлежало возврату. В Конгрессе президент разъяснял – если сосед отбивается от вора, вполне оправданно одолжить ему ружье. Впрочем, Рузвельт умолчал, насколько справедливо снабжать одновременно и соседа, и вора. Ведь торговля с немцами отнюдь не прекращалась.

После германского нападения на СССР обстановка кардинальным образом изменилась. Уже 22 июня Черчилль заявил, что он был и остается противником коммунизма, но сейчас идеологические разногласия отходят на второй план. Все, кто воюет против Германии, – друзья Англии. 24 июня о поддержке советского народа заявил Рузвельт. Что ж, в катастрофической ситуации 41-го русские были рады любым союзникам, любой помощи. Сталин обратился к Черчиллю с просьбой об открытии второго фронта в Европе. Даже приглашал английские войска высадиться в Мурманске и Архангельске. В Англию и США пошли заказы на стратегические товары – истребители, автомашины, танки, зенитки. Но... все вопросы конкретной помощи и сотрудничества западные союзники обходили в это время деликатным молчанием. Они были уверены, что СССР скоро падет. Британские и американские дипломаты только пытались поточнее разузнать, сколько же он продержится? Две недели? Или месяц?...

Германские союзники вели себя куда более активно. Правда, воевали они все-таки похуже немцев. Были слабее вооружены, им не хватало выучки. Но их ружья и пушки ранили и убивали наших солдат так же, как немецкие. Румынский диктатор Антонеску бросил в наступление две армии. Однако Одесский округ был единственным, успевшим изготавиться к вторжению. Солдат удалось поднять по тревоге, рассредоточить авиацию по полевым аэродромам. У армейских частей было налажено взаимодействие с Черноморским флотом, с Дунайской флотилией. В Молдавии обе армии Антонеску крепко застряли.

Другая гитлеровская союзница, Финляндия, попыталась схитрить. Она вступила в войну чуть позже, чем ее партнеры. Убедилась, что немцы и впрямь побеждают, можно присоединиться к ним без опаски. Заодно и выждала, когда советское командование начнет забирать войска с ее участка на другие направления. Ко всему прочему, Финляндия силилась выставить себя невинной овечкой. С ее аэродромов немецкие самолеты начали бомбить русскую территорию, из ее портов выходили немецкие (и финские) корабли, ставили мины на русских коммуникациях. Но как только советская авиация ответила, нанесла удары по финским аэродромам и портам, в Хельсинки завопили, что на них напали. Стало быть, они находятся в состоянии «оборонительной» войны.

Впоследствии было сконструировано и другое оправдание. Дескать, бедная Финляндия, обиженная русскими в 1939–1940 гг., пыталась всего лишь вернуть отнятые у нее земли. Хотя в действительности финское руководство мечтало воплотить в жизнь проект Великой Фин-

ляндии – у Гитлера просили отдать Кольский полуостров, Карелию, Вологодский край. Уж эти земли можно было причислить к финским лишь в самых буйных фантазиях. Но для воплощения этих фантазий Финляндия не пожалела сил. Во Вторую мировую войну она поставила рекорд по проценту мобилизации. В строю оказалось 650 тыс. человек, 17,5 % всего населения. Одна армия развернула наступление на Ленинград, вторая вторглась в Карелию.

Но финны, выгадывая политические и пропагандистские козыри, потеряли фактор внезапности. Войска Северного фронта генерал-лейтенанта Попова ждали нападения с их стороны. Неприятелям сумели отеснить наши части от Выборга, но на старой границе в сохранившихся укреплениях они удержались и дали отпор. На территории самой Финляндии располагалась военная база на полуострове Ханко. Ее обороняли стрелковая бригада и артиллеристы береговой обороны – 25 тыс. человек. Маннергейм сосредоточил против Ханко две дивизии и части из шведских добровольцев. Но атаки захлебнулись в крови, врагу не удалось продвинуться ни на шаг.

На Кольском полуострове финны нанесли удар вместе с германской армией «Норвегия». Однако наши пограничники и армейские части отчаянно отбивались на рубежах полярных рек, в прибрежных скалах. Их поддерживали моряки Северного флота, мощные корабельные орудия и крупнокалиберные батареи береговой обороны. Неприятель наседал яростно, остервенело. Но постепенно его натиск выдыхался, он принялся закрепляться, зарываться в землю. Завязались позиционные бои.

Хотя стабилизация фронта на северной и южной оконечностях, увы, не сказывалась на общем состоянии дел. Основная часть вооруженных сил была разгромлена за две недели! Были сняты со своих постов командующий Западным фронтом Павлов, его начальник штаба Климовских, командующий 4-й армией Коробов и еще несколько начальников. Их обвинили в измене. Конечно, они не были предателями. Они всего лишь натворили грубых ошибок. Но в Советском Союзе слишком часто сталкивались с преднамеренным вредительством и диверсиями. Павлов, Климовских, Коробов были осуждены и расстреляны.

Впрочем, это не было наказанием на поражение, поиском «козлов отпущения». Суровая кара коснулась только тех, кто проявил себя совсем уж плохо, утратил управление войсками, наломал дров неграмотными решениями. К командованию развалившегося Северо-Западного фронта таких обвинений не предъявляли. Да и на Западном большинство армий погибло, но их командующие выбирались из окружений, и их восстанавливали на высоких должностях. Но самого Западного фронта больше не существовало. На его месте расплзалась хаотичная мешанина из неуправляемых частей и отрядов.

Сталин в сложившейся ситуации принял жестокое, но единственное остающееся решение. Отказался от попыток спасти массы войск, варившихся в котлах. Вместо этого создавался новый фронт по Западной Двине и Днепру. Резервы, выдвигаемые из глубины страны, было приказано останавливать на этом рубеже, строить оборону. Возглавил фронт нарком обороны маршал Тимошенко, но для более эффективного управления его разделили надвое. Южное крыло преобразовали в отдельный, Центральный фронт (командующий – генерал-полковник Кузнецов). Однако соотношение сил теперь еще больше изменилось в пользу немцев. Русских они повыбили крепко и на центральном, смоленском направлении превосходили по людям в 2 раза, по артиллерии – в 2,4 раза, по самолетам в 4 раза. И только танков на советской стороне до сих пор было больше в 1,3 раза [18].

Впрочем, даже такое решение Сталина и командования Красной армии осталось невыполненным. Чтобы новый фронт организовался, требовалось некоторое время. Требовалось, чтобы окруженные группировки хоть немного задержали немцев. Но массы войск в котлах разбегались или сдавались, не создавая противнику никаких помех! Их собирали в плен вторые эшелоны, а ударные кулаки вообще не отвлекались на них. Едва замкнули кольцо под Мин-

ском, гитлеровская ставка поставила танковым группам Гота и Гудериана новую задачу. 10–12 июля они с двух сторон нацелились на Смоленск.

Бронированная лавина Гота ринулась со стороны Витебска. На пути у нее стояла 19-я армия генерала Конева. «Стояла» только на картах. Она лишь выдвигалась к фронту. Сам Конев прибыл к месту расположения, но войск в его распоряжении не было. Зато навстречу покатались отступающие, кричали о немецких танках! Командующий армией останавливал бегущих и сколачивал импровизированные отряды. Пришлось вспомнить даже старую специальность – в Первую мировую войну он был артиллеристом. На стоявшей поблизости артиллерийской батарее генерал заменил убитого командира, а потом и наводчика, стрелял по лезущим танкам [64]. По соседству с Коневым 22-я армия закрепились заблаговременно. Но ей пришлось гораздо хуже, чем 19-й, – основной удар Гота прокатился как раз по ней. Продавил посередине и разорвал надвое, она очутилась в полуокружении. Потянулась выбираться из ловушки, бросила Невель, Полоцк.

2-я танковая группа Гудериана навалилась на русских южнее. С ходу овладела Оршей, обошла Могилев – возле этого города попали в окружение шесть советских дивизий. Что ж, обе танковых группы отлично знали свое дело. Не отвлекаться, прорываться быстрее и глубже. Мчались по дорогам, давили встречные русские подразделения и обозы беженцев. Всего через несколько дней, 16 июля, ворвались в Смоленск. В очередной котел попали три армии: 19-я, 16-я и 20-я. Связь с ними сохранялась лишь по узкому коридору и понтонному мосту у села Соловьево.

И все-таки многое отличалось от пограничных сражений. Окруженную группировку возглавил командующий 16-й армией генерал Лукин, она не развалилась, продолжила драться в кольце. Три армии контратаковали изнутри, пытались отбить Смоленск. А советское Верховное главнокомандование в спешном порядке организовывало контрудары извне. Танкистов Гота, разогнавшихся и захвативших Великие Луки, вышибли из города. С юга под основание прорыва ударили войска Центрального фронта.

В Прибалтике в это время германская группа армий «Север» доламывала русскую оборону по Западной Двине. 4-я танковая группа Гепнера вырвалась далеко вперед, захватила Псков. Но и здесь немцы нарвались на контрудары. Под Сольцами наши части впервые смогли окружить 8-ю танковую дивизию немцев. Она, правда, вырвалась, возвратилась к своим. Но германское начальство проанализировало подобные факты и сделало выводы – расчеты на неожиданность и на растерянность русских исчерпали себя. Подвижным соединениям было приказано не «зарываться», приостановиться и подождать общевойсковые армии.

Однако усилившееся сопротивление русских не вызывало в Берлине серьезных опасений. Сроки операции «Барбаросса», намеченные изначальными директивами, еще не сдвигались. Падение Москвы намечалось на конец августа, выход на рубеж Волги к началу октября, Баку и Батуми – ноябрь... Немцы действовали грамотно. Танковые кулаки догоняла пехота. В конце июля враг окончательно овладел Смоленском, перерезали горловину у Соловьево, замкнув кольцо вокруг группировки Лукина. Тем не менее замыслы неприятельских военачальников опять нарушались. Они ведь тоже ошибались, многого не учли. Недооценили мобилизационные возможности СССР, недооценили русский характер.

Западный фронт уже во второй раз признавали уничтоженным, но в тылу за ним опять выстраивался новый! Резервный фронт – пять армий. Правда, сейчас говорить об армиях можно было лишь условно. Маршал Рокоссовский вспоминал: на бумаге ему выделили стрелковые, танковую дивизию, приказали прикрыть Минское шоссе у Ярцево. Кратчайшую дорогу на Москву! А на деле вместо дивизий дали несколько автомашин, зенитных орудий и пару взводов пехоты – с ними предстояло сколачивать оборону из ничего. Из отступающих, отбившихся от своих. При атаке немцев эти бойцы, собранные с миру по нитке, привычно побежали. «Среди бегущих – солдат, такой усач из мобилизованных, хлебнувший первой войны.

Он бежит и покрикивает: „Команду подай!.. Кто команду даст?... Команда нужна! – что-то созрело в нем, и он сам гаркнул – Стой! Ложись! Вон противник – огонь!“» [107].

Да, что-то созревало в солдатах, в командирах. Эти же самые импровизированные команды превращались в ходе сражений в боеспособные части. Созданная на пустом месте оперативная группа Рокоссовского не только отразила неприятелей, но и сама отбросила немцев, пробила брешь в окружении. Значительные силы 16-й и 20-й армий сумели выйти из кольца. Еще более эффективным оказался контрудар Центрального фронта. Он попал в уязвимое место, в стык вражеских групп армий «Центр» и «Юг». Были освобождены Рогачев, Жлобин, Кричев, Пропойск. Этим воспользовались остатки шести дивизий, оборонявших Могилев, вырвались к своим. Продвижение Центрального фронта оказалось спасительным и для многих других окруженцев – на этот участок выбирались по лесам солдаты из-под Минска, даже из-под Бреста.

Аналогичный контрудар нацеливался в стык германских групп армий «Север» и «Центр». Нанести его должны были четыре армии. Но три из них, потрепанные и измотанные, не смогли потеснить врага. Успеха добилась только 34-я армия генерала Качалова, специально выдвинутая из резерва. Она была кадровой, прекрасно укомплектованной и вооруженной. Опрокинула немцев, гнала их 40 км. Группа армий «Север» в это время возобновила наступление на Новгород и Ленинград, и вдруг русские проломились ей в тылы! Фон Лееб опять приостановил операцию, развернул танковые и моторизованные дивизии в противоположном направлении. И тут уж пришлось худо 34-й армии. Ее глубокий прорыв подсекли под основание, и армия сама очутилась в кольце. 18 тыс. человек попали в плен, остальные кое-как вырывались и просачивались.

В целом же положение Советского Союза выглядело безнадежным. Его терзала свора хищников, и готовы были подключиться другие. Япония до поры до времени воздерживалась. К договорам она относилась примерно так же, как Гитлер, но ей слишком крепко всыпали на Халхин-Голе. Японцы выжидали, когда немцы сокрушат русских, чтобы вмешаться на готовенькое. Для этого сосредоточили в Маньчжурии и Корее почти половину своих вооруженных сил. В Токио изучали карту Сибири. Обсуждался вариант, что граница с Германией должна пройти примерно по линии Омска. По мере немецких побед японцы принялись откровенно задираться.

В проливах Японского и Охотского морей останавливали и досматривали советские суда. Несколько пароходов было потоплено. На границе снова участились провокации. Наглецы пользовались тем, что наша страна не может себе позволить наказать их. Красноармейцев связали по рукам и ногам строжайшие приказы – не реагировать ни на какие выходки, даже не отвечать на обстрелы. Пытаться избежать войны любой ценой.

О былом союзе с немцами не забыла и Турция. Подписала соглашение о присоединении к Антикоминтерновскому пакту с Германией, Италией, Японией. Пока она оговорила для себя роль наблюдателя, но разворачивала на закавказской границе 26 дивизий! При этом темнила и лицемерила. Раскланивалась с англичанами. Объясняла, что готова выступить их союзницей. Готова захватить русское Закавказье, чтобы не дать его немцам. Но таким же образом Турция лгала и изворачивалась во время Первой мировой – напустила тумана, а потом напала. В результате Советскому Союзу приходилось держать шесть армий на Дальнем Востоке, три армии в Закавказье – как не хватало этих армий на западных фронтах!

Что же касается Англии и Америки, то и они в данный период обращались с нашей страной как с обреченной. В международных делах на нее даже не обращали внимания. В августе 1941 г. западные союзники провели Атлантическую конференцию, где вырабатывались принципы послевоенного устройства мира. СССР не сочли нужным пригласить туда или хотя бы посоветоваться. Приняли Атлантическую хартию, провозгласив «демократизацию» и прочие установки, продиктованные американцами. Хартия отказывалась признавать территориальные

изменения, случившиеся во время войны. Но под этот пункт попадали не только завоевания Германии, а и присоединение к Советскому Союзу Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии, районов, отвоеванных у финнов [20].

Ну а практическое сотрудничество с союзниками поначалу стало налаживаться вообще не против Германии. В дополнение к Турции на сторону Гитлера склонялся Иран. Там активно действовала агентура нацистов, в правительстве образовалась сильная прогерманская партия. По ее уговорам шах Реза Пехлеви замыслил напасть на британские нефтепромыслы у Персидского залива, на советскую Среднюю Азию. Армия Ирана пребывала в жалком состоянии. Она насчитывала 9 дивизий, но реально существовали только 5, да и они представляли собой толпы оборванцев. Однако выступление Ирана могло подтолкнуть к войне Турцию, возбудить Ирак – там тоже хватало сторонников Гитлера, англичанам пришлось подавлять его два месяца назад.

Обеспокоенный Черчилль обратился к Сталину, и Иосиф Виссарионович согласился с его опасениями. Получить еще один фронт для Советского Союза было совершенно ни к чему. Договорились охладить пыл иранцев, а заодно и пригрозить туркам – если ввести войска в Иран, союзная группировка выходила как раз в тылы турецким дивизиям, выдвинутым к нашей границе. Еще царская Россия имела в договоре с шахом особый пункт – в случае угрозы нашим южным рубежам наша страна имела право ввести к соседям войска. Этот пункт перекочевал и в договор Ирана с СССР. Теперь шаху предъявили ультиматум: допустить на свою землю советские и британские части.

Советники настроили его ответить отказом, доказывали, что бояться нечего, СССР вот-вот падет. На ультиматум ответили отказом. Но 26 августа в Иран вступили три советских армии, а с юга вошли 2 британских дивизии и 3 бригады. Иранское воинство разогнали за несколько дней, шаха свергли. 8 сентября страну разделили на две зоны оккупации, русскую и британскую. Характерно, что операция получила название «Согласие». По-французски «Антанта». Как бы намек на возрождение союза Первой мировой войны.

Что ж, лед «согласия» действительно тронулся. Когда договаривались о взаимодействии в Иране, стало неудобным уклоняться от обсуждения прочих вопросов. В августе с Советским Союзом стали заключаться соглашения о поставках стратегических товаров. Но отнюдь не бесплатно! Оговаривались суммы кредитов и даже годовые проценты, а оплата предусматривалась по клирингу – взаимным расчетом за «встречные» товары. Хотя какие товары мог поставлять СССР в условиях войны? Золото, драгоценности. В сентябре 1941 г. член американского правительства Г. Икес записал: «Зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские... Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы они передали нам все свое золото в погашение за поставки товаров, пока оно не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе» [44].

6. «Новый порядок»

В идеологии нацизма не было ничего нового. Еще перед Первой мировой войной Германию захлестнули теории пангерманизма. Утверждалось о «превосходстве германской расы», Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом» и «историческим врагом». Начальник военно-исторического отдела Генштаба Бернгарди строил проекты: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов» [134, 142]. Подобными идеями увлекался и кайзер Вильгельм II, в 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов».

Огромной популярностью пользовалась книга Ницше «Так говорил Заратустра». Кстати, в современных учебниках философии его упоминают в числе выдающихся мыслителей. Докладывают, будто в трудах Ницше не было ничего плохого, они представляли лишь протест против существующей «ханжеской морали». Что ж, Ницше и впрямь был своеобразным мыслителем, он умер в психиатрической лечебнице. А его работы протестовали против христианской морали. Они антихристианские. Воспевали жестокость, волю к власти. «Добей упавшего». «Отвергни мольбу о пощаде». «Война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему». Идеал – «белокурая бестия». Бестия – означает «зверь». Так принято обозначать антихриста.

Уже тогда, в Первую мировую, немцы отличались страшной жестокостью. По распоряжениям командования целенаправленно внедрялся «превентивный террор». Это признавали рациональным, требовалось настолько запугать население, чтобы о сопротивлении не возникало даже мыслей. В бельгийских, французских, российских городах сотнями расстреливали заложников. Австрийцы, венгры и немцы буквально залили кровью Сербию. В Османской империи развернулся геноцид христианских народов, было вырезано 2 млн армян, айсоров, халдеев, сирийских христиан.

Задолго до нацизма разрабатывались и программы «германизации» захваченных земель. Первым полигоном для подобных экспериментов стали оккупированные западные области России. В рамках намеченных программ поляков и русских предполагалось куда-нибудь депортировать, а верхушку литовцев и латышей «огерманить». Русские, польские, латышские, литовские учебные заведения закрывались, преподавание разрешалось только на немецком языке. Он признавался единственным официальным языком во всех административных и общественных учреждениях. Для более успешной «германизации» на восток направлялись немецкие переселенцы. А прочим, «негерманизированным» жителям, предназначалась участь рабов. Их грабили повальными реквизициями, забирали на принудительные работы в Германию [142].

По собственному признанию, Гитлер не стеснялся перенимать идеи у других политических, религиозных, оккультных течений. Он говорил: «Я всегда учился у своих противников. Я изучал революционную технику Ленина, Троцкого, прочих марксистов. А у католической церкви, у масонов я приобрел идеи, которых не мог найти ни у кого другого» [95, 104]. Подобные теории обобщались и дорабатывались, чтобы наилучшим образом служить потребностям нацистов, и возводились в официальный культ. Геринг указывал: «Неправда, что нацизм создает новую религию. Он и есть новая религия». Новая германская религия была магической и неоязыческой. Символ свастики в круге означает огонь и жертвенник. А сами нацистские руководители в том мире, который они строили, отводили себе роль великих вождей древности. Таких же, какими были германские предводители-асы, обожествленные потомками: Один, Тор, Фрейр... Войю, стяжай славу, а потом, среди морей жертвенной крови врагов, возносись в Валгаллу, где пируют аналогичные боги и герои.

Инструментом для преобразования мира и одновременно заготовкой будущего германского народа являлся орден СС. Изначально это была личная охрана Гитлера из 30 штурмовиков – Schutz Staffel («Охранные войска»). Но в 1929 г. командиром СС стал энергичный и мечтательный Генрих Гиммлер. Он задумал преобразовать отряд в подобие рыцарского ордена. Набирал к себе молодых широкоплечих спортсменов, ветеранов боевых действий. Но привлекал и другую категорию – интеллектуалов, ученых, аристократов. Идеей мистического братства он заинтересовал Гесса, Хаусхофера, а через них и Гитлера. Добился отделения от штурмовиков, СС превратились в некую партийную «гвардию». Гиммлер ввел для нее красивую черную форму, придумывал особую атрибутику, ритуалы, особую иерархию чинов – шарфюреры, штурмфюреры, штурмбаннфюреры и пр. А сам Гиммлер принял звание рейхсфюрера СС.

Использование «Охранных войск» сперва оставалось неопределенным. Но в 1931 г. Гиммлер принял в СС профессионального контрразведчика Рейнхардта Гейдриха – его уволили из военного флота за скандал: соблазнение дочери старшего офицера. Гиммлер с его помощью создал партийную службу безопасности, СД. А когда нацисты пришли к власти, рейхсфюрер СС подсутился сформировать особую роту «Лейбштандарте Адольф Гитлер». Отобрал в нее самых рослых, видных красавцев. Рота понравилась Гитлеру, встала на посты в резиденции канцлера. Это было первое подразделение СС, получившее официальное право носить оружие. Вскоре его развернули в батальон, полк...

Между тем Гиммлер перетаскивал под себя еще одно благодатное поле деятельности. Доказал фюреру, что «продажную старорежимную полицию» надо отдать под контроль «лучших сыновей народа» – то бишь СС, поскольку было бы «справедливо, своевременно и необходимо бороться с врагом общими для всего рейха методами». Еще одним полем деятельности стали места заключения – по всей Германии и за рубежом растекались ужасающие слухи, как штурмовики мордуют арестованных, поднимались скандалы об убийствах. Гиммлер выступил вдруг ярким поборником законности и добился, чтобы в ведение СС отдали концлагеря. Для их охраны начали формироваться части «Тотенкопф» – «Мертвая голова». Они стали следующими, после «Лейбштандарте», кто нес государственную службу, получал оружие.

Тайную полицию, гестапо, придумал и создавал Геринг. Но со временем у него появились собственные вооруженные силы, люфтваффе. Блестящие летчики, грозная техника, аэродромы. Полицейское поприще выглядело по сравнению с этим грязновато, и Геринг уступил гестапо Гиммлеру. Рейхсфюрер СС объединил все ветви полиции с партийной контрразведкой СД, дополнил «СД-аусланд» для разведки и диверсий за границей, и возникло Главное управление имперской безопасности, РСХА. Руководить им был назначен Гейдрих.

Но функции СС не ограничивались карательными органами и спецслужбами. Это был магический круг «посвященных» внутри партии. По мере того как Гиммлер получал все большую власть, он совершенствовал свое детище. «Духовным центром» СС был выбран старинный замок в Кведлинбурге. Гиммлер полюбил его, специально уединялся в подвалах и верил, что общается там с духами мертвых. Кстати, духи пророчили ему великое будущее. По подсказкам предсказателей он даже поверил, что сам он – воплощение средневекового германского императора Генриха Птицелова. Здесь же, в Кведлинбурге, при свете факелов, в расписанных рунами и свастиками залах осуществлялись церемонии посвящения новичков. Ритуал заимствовали у крестоносцев, вручали эсэсовский кинжал – он символизировал рыцарский меч.

Кандидатов в СС Гиммлер поначалу отбирал лично, потом учредил специальную комиссию. Желаящие должны были представить «арийскую» родословную с XVIII в., проходили проверки и испытания. Если члены СС вступали в брак, им следовало представить аналогичные документы о расовой чистоте невесты. Перед замужеством девушки проходили антропологические осмотры и медицинские проверки, подтверждая способность к рождению здорового потомства. Для эсэсовских жен были устроены обязательные курсы. Там преподавались

политические дисциплины, «идеология, вытекающей из понятия расовой чистоты», домоводство, правила ухода за детьми.

Хотя супружеская верность и вообще создание семьи не считались обязательными. Ведь завоеванные земли надо было побыстрее заселить. В 1935 г. под эгидой СС была создана система «Лебенсборн» («источники жизни»). Забеременеть от случайных связей (но от арийца, желательно эсэсовца) признавалось отнюдь не позорным, а почетным. Женщина, зачавшая ребенка от мимолетного отца, могла обратиться в «Лебенсборн», за ней ухаживали, помогали родить, платили пособие. А ребенка принимали в государственный приют. В дальнейшем система расширялась. По разным городам организовывались благоустроенные домики для свиданий. Регистрировались энтузиастки, желающие родить солдат для фюрера, – студентки, одинокие дамочки, даже чьи-то жены. Это пропагандировалось как нормальное патриотическое явление, наподобие донорства. Солдаты, заехавшие на побывку с фронта, получали возможность бесплатно остановиться в этих учреждениях, выбрать подругу и провести с ней время, оставив в ее чреве свой «генофонд».

Особо стоит отметить, что деятельность СС поддерживалась не только Гитлером. Выше уже упоминался германо-американский промышленник Кепплер, экономический советник фюрера. Этот Кепплер и его правая рука Фриц Краннефус надумали учредить «кружок друзей рейхсфюрера СС». Вошли в него многие виднейшие промышленники и финансисты Германии – сам Кепплер, Шахт, директора и президенты «ИГ Фарбениндустри», «Дойче банк», «Дрезденер банк» и пр. «Кружок друзей рейхсфюрера СС» оказался закрытым клубом миллиардеров!

В «Дрезденер банк» появился счет «R», куда «друзья» переводили взносы на нужды СС. Сохранились письма Гиммлера к членам «кружка» с благодарностями за то, что «дали ему возможность выполнить некоторые задачи, для которых не хватало средств». Существовали и какие-то другие источники финансирования, поскольку выплаты со счета «R» превышали взносы «друзей» [9]. Как видим, эксперименты по построению «нового мирового порядка» не являлись безудержными фантазиями одного лишь Гитлера или Гиммлера. Они соответствовали приказам могущественных закулисных сил и ими же оплачивались.

Христианские конфессии в Германии не возбранялись. Немцы могли исповедовать свою традиционную веру, католическую или протестантскую, под Рождество наряжать елочки и умирно петь святочные песенки. Нацисты даже установили связи с православными, с Русской карловацкой церковью (т. е. нынешней Зарубежной). Для нее в Берлине построили храм за государственный счет [102]. Это давало возможность выставить себя борцами с советским безбожием. Но нацистские вожди от церкви подчеркнуто отстранялись, в храмы не ходили. Коллективные богослужения в армии и на флоте не дозволялись.

Масонские структуры с 1935 г. были запрещены. Это косвенно ударило и по германским оккультистам, ведь они были переплетены с масонами, розенкрейцерами, иллиминатами. Членам СС и нацистской партии отныне возбранялось состоять в рядах Германского ордена и связанных с ним обществ, наподобие «Туле». Но эти организации больше не требовались. Нацисты уже взяли от них все, что видели полезным. Зачем были нужны рыхлые собрания интеллигентского Германского ордена, если его заменил железный орден СС?

А на основе «Общества врил» и других оккультных структур возникло общество «Аненербе» («Наследие предков»). Его также привлек под свою эгиду Гиммлер, собирая туда как научных работников, так и специалистов в области магических учений. Среди ордена «посвященных», СС, появился «внутренний круг». Предполагалось, что он обеспечит ордену мистическую силу. В рамках «Аненербе» создавались крупные институты, развернулись исследования в самых различных сферах. Организовывались экспедиции в далекие страны. Одна из них в 1938 г. отправилась в Тибет и Гималаи. Руководил ею Эрнст Шеффер, известный зоолог, но при этом штурмбаннфюрер СС. А задачи перед экспедицией ставились и научные, и оккультные, и даже дипломатические.

Она побывала в Лхасе, установила дружеские контакты с далай-ламой. Между Лхасой и Берлином была налажена радиосвязь. Проводились антропологические исследования, немцы искали доказательства, что здесь когда-то лежала «прародина ариев». Искали и Шамбалу, искали контакты с «Высшими Неизвестными». Для Гитлера и его окружения это было важно – накануне войны добиться покровительства потусторонних сил. Некоторые материалы экспедиции попали в фильм «Таинственный Тибет». Было много других киносъемок, фотографий. Впоследствии по ним было установлено, что нацистов крайне интересовала древняя тибетская религия бон, замешанная на черной магии. Эсэсовцы привезли в Германию различные мандалы – буддийские символические схемы, применяемые для медитации. Для наведения связей с этими самыми «неведомыми» и прочими «голосами». Далай-лама вроде бы благословил «короля Гитлера» на бранные подвиги. Или просто распускались слухи, что благословил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.